

18+

Еврейская Старина

4/2019

Евгений Михайлович Беркович

Еврейская старина. №4/2019

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55346028

ISBN 9785449886125

Аннотация

Альманах «Еврейская Старина» воссоздан в 2002 году. В настоящее время выходит ежеквартально. Содержит лучшие работы по еврейской истории, традиции, культуре, поступающие на портал «Заметки по еврейской истории». Девиз альманаха: «Старина – категория не времени, а качества. Все станет когда-нибудь стариной, если не умрет раньше».

Содержание

Альманах «Еврейская Старина»	5
Рихард Глацар	6
Ад за зеленой изгородью	6
Виталий Шейнин	66
К этимологии и истории фамилий у российских евреев	66
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Еврейская старина

№4/2019

Евгений Михайлович Беркович *Редактор и составитель*

ISBN 978-5-4498-8612-5 (т. 4)

ISBN 978-5-4498-8613-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Альманах «Еврейская Старина» №4 (103) 2019

Редактор и составитель
Евгений Беркович

Художник
Дорота Белас

Издательство «Еврейская Старина»
Ганновер 2020

Рихард Глацар

Ад за зеленой изгородью

Записки выжившего в Трешлинке

Перевод с немецкого Елены Зисъ

Звезды запачканы прахом земным

Начало 1940 года. «Посещение неарийцами нежелатель-
но». Самые рьяные уже повесили в Праге над входом в свои
кафе такие надписи, еще до того, как в оккупированной
Чехословакии был издан приказ вывешивать официальную
табличку «Евреям вход воспрещен» на дверях всех рестора-
нов, пивных и кабачков, театров и кино.

Несмотря на это, я хожу в кино, хотя и не так часто, как
раньше. Разумеется, тайком, дома об этом не должны знать.

Иногда в кино еще показывают фильмы, которые, соб-
ственно, уже нельзя показывать, которые скоро будут запре-
щены. В кинохронике – воздушный налет японцев на китай-
ские города. Бомбы падают и взрываются, дома рушатся, по-
всюду огонь и дым, вой моторов и сирен. Посреди площади
в каком-то городе стоит на коленях молодая китайка. Снова
и снова она приподнимается, воздевает руки к небу и опять
падает на почти раздетого, залитого кровью младенца. Сно-
ва и снова обвиняет она убийц. С этого дня Mater Dolorosa,

Мать Скорбящая, – а ее изображений много в барочной Праге – всегда напоминает мне эту молодую китаянку.

Действие американского фильма «Шангри Ла – потерянный рай» происходит в затерянной долине в Гималаях. Там, среди вечной весны, живут люди разного происхождения. Они в меру грешны, в меру сластолюбивы и могут долго наслаждаться жизнью, потому что в этом климате люди живут по несколько сотен лет. По вечерам, лежа в постели, перед тем как заснуть, я уношусь отсюда в Шангри Ла.

Но нет, не в Шангри Ла, бежать через несколько недель приходится в глухую деревню. Прочь из Праги, подальше от опасности, так решили родители. Я должен работать здесь за стол и жилье столько времени, сколько будет возможно. Это были последние слова, которые они мне сказали. Говорят, их вывезут из Праги осенью 1941 года. Они заказывали телефонный разговор с уведомлением. Целый час я буду идти через лес в городок на почту. Родители в Праге тоже звонили с почты, потому что иметь дома телефон им было уже запрещено.

В деревне, высоко над стремнинами Влтавы, моими товарищами днем были две рабочие лошади, а вечерами — книги. Желтую звезду с надписью «еврей» я прикреплял в тех редких случаях, когда мне приходилось спускаться в городок, например, чтобы отвезти зерно на мельницу. Люди там вовсе не злы, но слишком много болтают, может быть, им просто интересно увидеть, что будет с евреем, если его за-

метят без звезды. Немцы уже многое заметили только потому, что люди болтали слишком много. Молчание — золото, болтовня — гестапо.

Там, внизу, я встречаю и других людей со звездами. Почему старшие все время говорят, что они гордятся своими звездами, что носят их с достоинством? Шагая с поводьями в руке, рядом с телегой, я иногда ловлю себя на том, что все время немного прикрываю желтую звезду. Незаметно я разглядываю людей вокруг, выискиваю уродливых, покрытых шрамами, косых, хромых, горбатых и прикидываю, с кем я хотел бы поменяться местами, а с кем — нет. Это хорошая игра.

Вечером, устроившись в своей комнатке, которая служит мне одновременно и гостиной, и спальней, я читаю про древнюю Корею, страну маленьких поэтов, завоеванную и порабощенную японцами: «Растоптаны прекрасные посевы, / превратились в болота тропинки, / звезды запачканы прахом земным».

И я говорю себе, что все уже однажды было.

Со скотом обращаться я умею

«В другое гетто на востоке» — так было записано в распоряжении о переводе. Код эшелона — Ви. Мой личный регистрационный номер — 639. Прошло всего четыре недели с тех пор, как меня депортировали в гетто Терезин в протекторате Богемия и Моравия. Там у меня был номер Bg-417.

В начале сентября 1942 года они все-таки схватили меня

в этой глухой дыре. И даже в Терезине мне не дали освоиться.

— Я должен доставить туда тысячу голов, тысячу, не меньше и не больше. И если кто-то на ходу высунет голову — буду стрелять! — охранник в ядовито-зеленой форме полевой жандармерии кричит так, чтобы это услышала тысяча людей, согнанных на платформу в Терезине.

Поезд останавливается часто и стоит, особенно ночью, подолгу. На третье утро мы понимаем по надписям, что должны быть где-то в Польше. Вскоре после полудня мы снова останавливаемся. Видно здание железнодорожной станции с надписью «Треблинка». Часть вагонов отцепляют. На изгибе путей видно, как передние вагоны сворачивают на однокорейку. С обеих сторон — лес. Поезд движется совсем медленно. Можно разглядеть отдельные сосны, березы, ели.

Лес становится реже, все оживляются, прижимаются к закрытым или едва приоткрытым окнам, но никто не решается выглянуть. Высокий зеленый забор, открытые ворота, через которые не спеша проезжает наш вагон. Почти четыре часа пополудни, 10 октября 1942 года.

— Выходить, всем выходить, быстрее! Тяжелый багаж оставить в поезде — его потом принесут!

Перрон, за ним — деревянный барак, на перроне люди в сапогах, но в гражданской одежде. У одного в руке какая-то длинная, странная штука — кожаная плетка. Должно быть, это обычные люди, не евреи, на них нет желтых звезд. Кое-

кто в эсэсовской форме, тоже с плетками, а некоторые — с автоматами. Напоминает городок на диком Западе, а позади — ферма с высоким зеленым забором. Забор такой симпатично-зеленый, наверное, это большая ферма и там много скота — а со скотом обращаться я умею. С перрона нас ведут на плац. С обеих сторон — ряды деревянных бараков.

– Мужчины — направо, женщины с детьми — налево! Багаж на землю! Раздеться догола!

Некоторых — совсем раздетых или полуодетых — отводят в сторону. Теперь они одеваются. Наверно, их отправят дальше. Это лучше? Или хуже?

– Документы и часы взять в руки!

Рослый эсэсовец что-то объясняет, сопровождая свою речь резкими жестами. Я стою далеко и ничего не слышу. Что? Мыться, а потом сразу на работу? Я, раздетый догола, стою в конце очереди. В такую погоду мне совсем не хочется мыться. Эсэсовец в пилотке быстро проходит вдоль очереди. Уже пройдя мимо и едва скользнув по мне глазами, замедляет шаг. Вот он останавливается, смотрит на меня через плечо, а потом и совсем поворачивается ко мне:

– Ты тоже выходи. Одевайся, быстро, встань туда, к тем. Звезду долой, часы и нож нельзя, так... Будете работать тут. Постарайтесь – сможете стать бригадирами или капо. А сейчас – за работу!

Я иду назад, сквозь прикрытые зелеными ветвями ворота, за углом – еще одни ворота, эти открыты лишь наполовину.

Проходя мимо них, я вижу большой плац, а на нем огромные кучи, прямо горы вещей. И вот мы уже внутри, в бараке. Пахнет деревом, плесенью, снаружи слышен грохот какой-то машины, наверное, это трактор. Повсюду люди в гражданской одежде. Они бегают взад-вперед и тащат на спинах какие-то узлы.

– Это ваш бригадир.

Рослый красивый парень с плеткой в руке и желтой на-рукавной повязкой с надписью «Бригадир» жутко кричит на работающих людей. Я не понимаю слов, но по выражению его лица и жестам догадываюсь, что бегающие люди должны разобрать одежду, беспорядочно сваленную на пол барака, рассортировать ее, связать в узлы и унести.

– Послушайте, – я пробую говорить по-немецки. – Что здесь происходит? Где все остальные, те, раздетые?

– Мертвы, все мертвы, а если еще нет, то уж точно через несколько минут. Это – лагерь смерти, здесь убивают евреев, а нас выбрали, чтобы мы им помогали.

Он старается говорить так, чтобы было похоже на немецкий. Многие слова я понимаю, остальное додумываю. Он стоит надо мной на огромной горе одежды, из которой люди в дикой спешке вытаскивают отдельные вещи, дергают, рвут их и куда-то убегают. Я гляжу вверх, на него; он стоит, разведя руки, на запястье висит плетка.

– Ты из Чехии? И ты не понимаешь идиш? Осторожно! – он кивает на дверь, где появилась зеленая с черным эсэсов-

ская форма. Жилы на его шее надуваются, загорелое гладкое лицо становится красным, рука начинает раскачивать плетку. – Давай уже, хватай эти тряпки, шевелись, ради Бога, шевелись, иначе не протянешь и до вечера!

Быстро, быстро что-нибудь делать – как вон тот – или тот. Я вытаскиваю из кучи что-то вроде простыни, разворачиваю ее, кидаю на нее обрывки одежды и хочу все это завязать в узел...

– Больше, больше, узел должен быть больше, если хочешь сюда вернуться!

Я взваливаю узел на плечо и хочу выйти на большой плац. Я уже почти у двери, когда что-то падает мне на голову: полный мешок. Я пошатнулся, с большим трудом удержал равновесие. Снаружи перед дверью прогуливается эсэсовец, в черной форме, в пилотке, очень молодой, по-видимому, очень здоровый, и, улыбаясь, подгоняет нас ударами плетки:

– Бегом, все время бегом!

Ага, здесь надо бегать, шагом ходить нельзя. Я едва успеваю оглядеть огромный плац. Горы одежды, обуви. И повсюду, как и в бараке, снуют туда-сюда люди.

– Бегом, все время бегом! Быстрее, быстрее! – кричат и машут плетками люди в черных и зелено-черных мундирах и другие, с желтыми нарукавными повязками, как тот, в бараке.

У одной из куч у меня забирают узел. Когда бегу назад, успеваю прочесть надписи на нарукавных повязках: «Брига-

дир» и «Капо».

Что сказал тот парень в бараке? «Мертвы, все мертвы» – все раздетые, голые, все, кто остался за зеленым забором. Я вспоминаю: поезд остановился, а потом медленно, почти со скоростью пешехода свернул к лесу. Справа была просека, за ней открывалась равнина, тянувшаяся до горизонта. Там паслись коровы, а при них – босоногий пастушонок – ожившая картинка из старого букваря. Он смотрел на поезд. Один из нас крикнул ему что-то сквозь едва приоткрытое окно. На таком большом расстоянии, да еще и по-чешски – мальчик ничего не мог понять. Он только слышал крики и видел вопросительные взгляды людей за стеклами. Пастушонок схватился обеими руками за шею, словно хотел удавиться, выпучил глаза, высунул язык – так мальчишки корчат рожи. На мгновение он застыл так, потом отвернулся и побежал обратно к своим коровам.

Теперь я слышу стук колес: въезжает вторая часть эшелона. А ведь там Карл Унгер со своими родителями и младшим братом. В последнее время в Терезине я всегда останавливался у них, когда проезжал мимо на своей телеге. Он сидел наверху, в своем «убежище», болтал ногами и, казалось, ждал меня. Иногда он меня останавливал. Я загадываю, как раньше, в школе, перед трудной контрольной: «Если оставят и его, то с нами обоими все будет хорошо». *они*

Я возвращаюсь к своему бригадиру.

– Слушай, а где здесь спят?

– В бараках.

– А как насчет еды?

Что за глупости я спрашиваю...

– Хоть объешься, – он делает движение рукой, словно хочет обнять меня. Тут же все в нем напрягается, он несколько раз хлещет плеткой по узлам на спинах людей, уже приготовившихся бежать. – Через два-три дня, если еще будешь жив, поймешь, что в Треблинке есть все – все, кроме жизни. Меня зовут Леон. А тебя?

Вводят еще одну группу. В ту самую минуту, когда я разглядел среди них Карла, он уже выкрикивает мое имя. Он немного выбился из шеренги. Он уже все знает, и все-таки в его голосе звучит вопрос, нежелание знать:

– Мать... отец... брат.

К вечеру с нескольких сторон раздаются свистки. Нас всех плетками сгоняют в шеренги по пять человек. Мы маршируем вдоль перрона, вниз по склону в другой барак. Над нами несколько высоких сосен, странно искривленных, их кроны наверху совсем темные. Через окошко выдают жестяные миски и хлеб: этот барак – столовая.

Я жадно пью из кружки черной эрзац-кофе. Он льется через край мимо рта, но я не могу остановиться, не могу оторваться от кружки. Я чувствую жажду, ужасную жажду. Собственно говоря, я уже двое суток ничего не пил. Может, поэтому у меня в голове так пусто, словно мозги усохли. Нет, у меня в голове торчит палка, если схватить ее за оба кон-

ца, то меня можно на ней поднять, подвесить, меня можно на ней опустить на землю, меня можно на ней крутить в разные стороны. Кто-то протягивает мне полную миску и забирает пустую. Но это человек не из нашего эшелона. Мы все стоим здесь вместе, нас примерно двадцать. У того, что дал мне миску, такое выражение лица, будто он рад, что я пришел – вслед за ним, вслед за ними, вслед за другими.

Клиновидную порцию грубого хлеба я бросаю в кучу хлебных кусков разной величины и разных сортов. Темные караваи, беловатые булки с зелеными пятнами плесени, недоеденные батоны, склеившиеся ломти перемешаны с чем-то еще, что раньше было, вероятно, съедобным.

Через какое-то время – снова свистки, нас снова сгоняют в шеренги, снова удары и удары, пока мы не оказываемся в бараке, там наверху, на плацу, где днем нам велели раздеваться. Загорается несколько свечей. Голый пол, повсюду только песок. Все ложатся, куда могут, дерутся за место, спотыкаются друг о друга, падают. Между тем снаружи раздается приказ: «Потушить свет, спать!» На закрывающуюся дверь с крыши барака, стоящего напротив, падает конус света.

Удушающий запах тел, дерева и песка, который теперь отдает накопленное за день тепло. Тысячи иголок вонзаются мне в тело, и меня одолевает зуд. Наверное, в песке полно блох.

Слышны вздохи, стоны, кто-то вдруг вскрикивает, крик

переходит в вой и рев. Теперь кажется, что кого-то бьют, проклинаяют, упрасивают, уговаривают. Ко мне прикасается рука Карла:

– Похоже, кто-то повесился...

Скоро все затихает. А потом среди тяжелого дыхания множества людей раздаются жалобные звуки и слова: «». Но я же знаю, что это. Это – , еврейская поминальная молитва. *Итгадад веиткадаш кадши*

Слишком богатое воображение

Трудно сказать, скольких тогда отобрали из тысячи, прибывшей нашим эшеленом, – больше или меньше двадцати. Некоторых я сразу потерял из виду. Говорят, один в первую же ночь проглотил целую упаковку снотворного. Еще один выбрал тот же путь на следующий день, чтобы в смерти присоединиться к своей жене и ребенку. *они*

Теперь я знаю, что произошло с нашим эшеленом и что происходит со всеми прибывающими сюда эшелонами. Еще до ворот, когда поезд сворачивает на однокорейку, от него отцепляют определенное число вагонов. Иногда туда набито по пятьсот человек, иногда – еще больше. Локомотив медленно тянет вагоны через ворота. Потом происходит то, что я сам пережил:

– Выходить, быстрее! Ручную кладь с собой, тяжелый багаж оставить в вагоне, его принесут потом!

Людей ведут по платформе к «раздевалке». Это – окруженный зеленым забором плац, где мы должны были раз-

даться догола, чтобы «помыться в целях дезинфекции». Обнаженных женщин и детей ведут в «парикмахерскую», где им, как овцам, стригут волосы. Женские волосы пойдут на изготовление герметизирующих прокладок для моторов. Мужчины, тоже уже раздетые донага, должны тем временем составить ручную кладь, принесенную с собой, в том углу «раздевалки», который находится ближе всего к сортировочной. Эсэсовцы заставляют их бежать. Тогда легкие работают интенсивнее, и потом в газовой камере все происходит быстрее.

Затем всех вместе, обритых женщин с детьми и запыхавшихся мужчин, прогоняют через «трубу» во вторую часть лагеря. «Труба» – это маленький проход из колючей проволоки, который напоминает клетку, через которую в цирке выпускают на манеж диких зверей. Но этот проход длиннее, он изгибается, и невозможно ни выглянуть оттуда, ни заглянуть туда. Колючая проволока переплетена зелеными еловыми и сосновыми ветками. На границе между обеими частями лагеря прямо в «трубе» устроена «маленькая касса». В окошко этой деревянной будки нужно сдать свои документы, часы и украшения. Здесь у евреев отнимают их имена, а немного дальше – обнаженную, безымянную жизнь.

Пока одна группа с эшелона бежит по «трубе», в лагерь въезжают вагоны со следующей группой. За это время уже закончено «мытьё» первой группы, а до того, как вторая войдет в проход, «душевые» будут уже освобождены и готовы

принять новую партию.

С эшелонами из Дармштадта, из Терезина, вообще с запада, в которых узники приезжают в пассажирских вагонах, обращаются еще мягко. Кажется, они еще ничего не знают. Люди гонят от себя любое подозрение. Никто не может представить себе своей собственной смерти – вот такой, обнаженной смерти.

Те, кого везут с востока, из Варшавского гетто, из Гродно или еще откуда-то, после поездки в битком набитых вагонах для скота прибывают в Треблинку уже полуживыми. Большую часть заталкивают в проход с «душевыми кабинками» по обеим сторонам. Остальных эсэсовцы и украинские охранники загоняют туда плетками. После команды «Иван, воду!» украинец-эсэсовец запускает моторы. Из душа вместо воды в камеру поступают выхлопные газы. Примерно через 20 минут готов «конечный продукт», производимый в Треблинке. И другие рабы уже хватают этот раздетый, спрессованный, пепельно-серый с фиолетовым отливом «продукт». Одни выволакивают трупы через широко распахнутые проемы в стенах камер, другие специалисты выламывают у мертвецов золотые зубы. («Зубные врачи, зубные техники и те, кто разбирается в золоте, – в сторону, одевайтесь, вы будете работать здесь...»). Еще одна группа рабочих относит трупы в общие могилы. Потом – заключительные технологические процессы: «припудривание» известью и засыпание песком (почва в Треблинке песчаная) – их выполняет

непрерывно работающий экскаватор.

Это его треск я слышал в первый день.

– Больные и те, кто не может ходить – в сторону! Вы отправляетесь в лазарет на обследование! Старик, ты тоже! И ты, с ребенком!

«Лазарет» расположен в верхнем углу сортировочного плаца вплотную к песчаному валу, это почти ровный квадрат площадью 25 на 25 метров. В него ведет узкий со многими поворотами проход, похожий на лабиринт в детском парке. Высокие, выше человеческого роста, зеленые стены из еловых ветвей. В конце прохода – маленький домик с эмблемой Красного Креста. Красные кресты на нарукавных повязках кое у кого из работающих там людей. Наконец-то: здесь ты отдохнешь, у этих добрых санитаров. Только потом хромой старик замечает трупы в глубокой яме и эсэсовца с автоматом, стоящего над ней. А затем одна-единственная «таблетка», выпущенная точно в затылок, освобождает любого больного, дряхлого, увечного, который мог бы замедлить продвижение в «душ», от всех его болезней.

– Дорогой друг, что с тобой? Ты больше не можешь? Симулянты и калеки нам тут не нужны. Давай, давай, иди вперед!

– Но, господин шарфюрер... господин начальник... я... прошу вас... я...

Страх и просьбы действуют как зажженный запал.

– Ах ты, скотина, мерзкая еврейская свинья!

Автомат в одной руке, в другой – плетка. И вот она уже со свистом опускается на голову и задевает лицо. Руки жертвы рефлекторно поднимаются вверх, чтобы защитить голову. Но рука с плеткой уже приготовилась к следующему удару, на этот раз – в обратном направлении, снизу вверх, прицельно по лицу. Этот удар заставляет поднять опущенную голову. И две безоружные руки никак не могут попасть в такт движению руки с плеткой. Так оба приближаются к «лазарету». Лицо превратилось в сплошную кровоточащую рану, нос распух, углы рта, из которых течет кровь, низко опущены.

– Раздеваться!

Они уже внутри, в «лазарете». «Самаритянам» приходится срывать с жертвы одежду, ставить на край ямы, укрепленный куском дерева. Трамплин в вечность. Выстрел из автомата или пистолета, и обнаженный человек... Что может сделать такой обнаженный человек? Один приподнимается на носках, словно для настоящего прыжка с трамплина, и опрокидывается в яму. Другой сразу падает и скатывается по склону. Кто-то раскидывает руки, а кто-то дергает ногами. Каждый раз все иначе, одна сцена никогда в точности не повторяет другую.

Унтершарфюрер СС Август Вилли Мите, волосы цвета соломы, пилотка сдвинута на затылок, с молчаливой увлеченностью стороннего наблюдателя делает все новые и новые фотографии того мгновения, когда заканчивается жизнь

и начинается смерть, этого волнующего, загадочного изменения.

Во время вечерней переключки где-то во второй половине октября дежурный унтершарфюрер докладывает худому, вечно разъяренному гауптшарфюреру СС Кюттнеру:

– Тысяча шестьдесят восемь евреев, из них двенадцать евреек, четырнадцать евреев – в лазарет.

Значит, уже завтра утром будут выбирать новых людей для пополнения. Каждый раз это вызывает у нас волнение: когда их приведут, когда к ним придет понимание – никто не может этого постичь сразу, никто не может в это поверить. Для этого нужно слишком богатое воображение... *они*

Треблинка

Название позаимствовали у маленькой деревушки, расположенной неподалеку, собственно, просто горстки нищих крестьянских домишек. Ближайшая железнодорожная станция называется Малкиня. Это примерно в ста километрах к северо-востоку от Варшавы. Главный железнодорожный путь ведет в Белосток; в лагерь – отходящая от него одноколька. Повсюду песок, песок, из него растут высокие сосны, покрытые застывшей смолой. Может быть, они выбрали это песчаное место в излучине Буга, недалеко от бывшей русско-польской границы, чтобы было легче выкапывать и закапывать общие могилы. *они*

Весь лагерь занимает площадь примерно 400 на 600 метров. Он окружен высоким – до 2,5 метра – забором из ко-

лючей проволоки, которая переплетена сосновыми ветками. Эта стена из зеленых веток сооружена на валу высотой примерно в один метр, поэтому кажется еще выше. Внутри лагерь поделен на различные площадки и помещения, окруженные такими же заборами, чтобы через них ничего нельзя было увидеть – этого требует «производство».

Всем руководят эсэсовцы. У них есть помощники – молодые украинцы, служащие охранниками. А кроме того, у них есть еще мы, нас примерно тысяча, это число постоянно пополняется людьми с вновь прибывающих эшелонов. Между платформой, на которую прибывают поезда, и высоким песчаным валом на другой стороне расположена первая – и большая – часть лагеря, приемник. За валом находится вторая часть, занимающая не более четверти всей площади, это – «лагерь смерти». До сортировочного плаца, самого большого в лагере, еще продолжается жизнь, она громоздит всевозможные предметы в странные кучки, кучи и горы. По ту сторону вала – царство смерти. Те, кто на той стороне вытаскивают трупы из газовых камер и отволакивают их в общие могилы, мертвы в гораздо большей степени, чем мы с этой стороны. Никто, за кем однажды закрылись ворота Трешлипки, никогда не сможет вернуться к жизни. Ни для кого из переступивших границу «лагеря смерти» нет пути назад.

Чаще всего новеньких определяют в те бригады, которые разбирают вещи из эшелонов на сортировочном плацу. Их

еще нельзя направить в специальные бригады. В «синие», например, где люди с синими нарукавными повязками встречают эшелоны на станции и должны как можно быстрее убрать прибывших и их багаж с платформы. Или в «красные» – там работники с красными повязками помогают людям на плацу-раздевалке снимать одежду и срывают платья с женщин, отказывающихся раздеваться. Для этого надо быть уже достаточно очерствевшим, многое повидавшим и ко многому притерпевшимся.

В верхней части сортировочного плаца в землю вбиты столбы с дощечками, на них надписи: «хлопок», «шелк», «шерсть», «тряпье». Оттуда до середины плаца нагромождены огромные кучи рассортированных вещей в узлах, перевязанных простынями или веревками.

В нижней части сортировочного плаца навален материал для бригад, занимающихся сортировкой, – вещи с эшелонов, которые принесли «синие» с платформы и «красные» из «раздевалки». Чемоданы и рюкзаки, простые мешки, затянутые веревками, тысячи пар сапог, сложенных черной, неровной, осыпающейся горой, элегантные полуботинки и поношенные домашние шлепанцы, тонкое дамское белье, рваные завшивевшие пальто.

Невозможно представить, что взяли с собой в последнюю дорогу все эти тысячи людей. Чемоданчик, оснащенный как маленькая лаборатория; складная кожаная сумка, а в ней слесарные инструменты; набор шприцов с блестящей коро-

бочкой для стерилизации. Огромная барахолка, на которой есть все – кроме жизни. Ветер разносит по плацу банкноты – зеленоватые польские злотые, красноватые русские рубли, немецкие марки, американские доллары. Валяются драгоценные камни и золотые украшения, ценности, которые легко нести, медальон в виде золотого сердечка. На красную перину с темными пятнами брошена черная шляпа какого-то раввина, рядом – ножной протез, детский костыль. Мне становится смешно: «Вера – моя опора в жизни» – а вот эта опора будет поддерживать огонь в «лазарете».

Теперь я уже привык к сортировке вещей. Я внимательно наблюдаю, собственно, я прежде всего наблюдаю, и работаю, наблюдая. Постоянно быть настороже, непрестанно ожидать, откуда может прийти беда, откуда раздастся предупреждение – явное или просто понукание; внимательно следить, откуда может появиться фигура в зелено-черной форме с черепом на фуражке, в каком направлении она движется, когда она обернется, что она сможет увидеть, что означают ее поза и ее жесты. Иногда мне приходит в голову, что я словно бы упражняюсь в этом виде деятельности и в искусстве выживания, что мне доставляет удовольствие оттачивать свое мастерство в этой опасной игре, где на кону – моя собственная жизнь. Тот, кто непрерывно работает в навязанном плетками темпе, кто нагружает на себя как можно больше, кто не умеет почувствовать, когда даже самым яростным эсэсовцам и их подручным на время надоедает нас подгонять, – доводит се-

бя до полного изнеможения. Тот, кто делает слишком большие паузы и пропускает очередной прилив активности охраны, – тоже конченный человек.

Когда мне хочется есть, я выжидаю подходящий момент, забегаю с узлом на спине за кучу сваленных продуктов и набиваю полный рот. Никогда за последние два военных года мне не доводилось есть так много масла, шоколада, хлеба. Из другой кучи я вытаскиваю себе рубашку, каждый день – новую, каждый день – от нового мертвеца. Грязную бросаешь незаметно на еще не разобранный кучу или просто в огонь.

– Это, бумаги? Да оторви себе кусок от женской сорочки!

Новенького в Треблинке узнают еще и по тому, что он спрашивает, где взять бумагу для туалета. Бумаги здесь не так много, как шелка, если не считать деньги. Если застукают кого-то, когда он берет что-нибудь из кучи для себя, штраф известен: вначале его будут бить, пока не лишат человеческого лица, потом в «лазарете» – смерть голышом. Но так бывает не всегда. Многое зависит от того, кто из эсэсовцев тебя застукал, в каком он настроении, и от того, был ли он один или их оказалось несколько сразу. Достаточно, чтобы другой эсэсовец издали увидел, что происходит, и чтобы оба знали о присутствии друг друга. Тогда один начинает избивать жертву, другой присоединяется, и вот уже каждый старается превзойти другого, чтобы доказать, что он «лучше». *они*

Интересно, почему не выдали нам, заключенным, какую-нибудь одинаковую одежду? С номерами, конечно. Почему нам разрешено носить гражданское, почему нам даже приказали сорвать желтые звезды? Но разве мы еще заключенные, евреи или вообще люди? Нас больше нет, мы больше не существуем, мы мертвы, причем так мертвы, что сами об этом знаем... Стоп, так нельзя, ты не должен так думать – иначе у тебя сдадут нервы, как прошлой ночью у того, которого еще до утренней переключки отвели в «лазарет». А может быть, гражданская одежда должна вводить в заблуждение людей из новых эшелонов, которые могут нас увидеть. Особенно это относится к «синим» на перроне и к «красным» в «раздевалке». *они*

– Тшмай се – держись, ты должен выдержать! – один из тех, кто часто говорит по-польски, пустил это слово, и вот оно уже стало приветствием, паролем. Да, вот оно – держись, выпрямись, выстой, найди правильную манеру поведения! Но не так, как снаружи, на воле. На, надень зеленый пиджак к светло-бежевым брюкам! Повяжи на шею шелковый желтый с красным платок! Это на как-то действует. Одетого так не бьют плетками. А если сегодня это все испачкается или порвется, то завтра ты наденешь что-нибудь еще более лихое, еще более бросающееся в глаза. *них*

Вон те двое, в середине — они сортируют или выбирают что-то для себя? Сразу не скажешь. А вот тот — он просто поправляет сапоги или надевает другую пару, получше? Да,

парень, чем ярче блестят твои сапоги, тем меньше ты получишь по морде. Вон там – целая коллекция крема для обуви. Если тебе удастся израсходовать весь этот крем на свои сапоги, то ты можешь дожить до солидного возраста. Только смотри не перестарайся. Выбирай себе красивые вещи, но все-таки не настолько красивые, чтобы захотелось иметь их. И, прежде всего, запомни: человек с небритым, измученным лицом прямо-таки напрашивается на удар плеткой и на жуткий «лазарет». *им*

То, что в «лазарете» лагеря уничтожения Треблинка выполняют выстрелом в затылок, в расположенном неподалеку трудовом лагере Треблинка совершают, как говорят, ударом топора. Исправительно-трудовой лагерь существовал здесь уже раньше, и это облегчило сооружение лагеря уничтожения. Уже была железнодорожная ветка к трудовому лагерю, так что понадобилось только проложить несколько метров запасного пути.

Говорят, трудовой лагерь Треблинка был создан еще в 1940 году. Основой для него послужил песчаный карьер. А еще говорят, что для строительства лагеря уничтожения Треблинка в 1942 году использовали заключенных из трудового лагеря. Хороший маскировочный маневр: уже было известно, что Треблинка – это какой-то трудовой лагерь. Рассказывают, что первый эшелон прибыл из Варшавы в июле 1942 года. В то время здесь были только основные сооружения: несколько деревянных бараков, каменное одноэтаж-

ное здание с газовыми камерами и машинным отделением, колодец, забор. Тех, кого в течение дня отбирали из эшелонов, расстреливали вечером после окончания работы. Говорят, что тогда эсэсовцы свирепствовали еще страшнее, чем потом, при уже отлаженном производстве.

Постепенно отбирали из эшелонов плотников и слесарей для окончания строительства, шорников для изготовления плеток, портных, которые должны были шить костюмы и униформы, ювелиров для сортировки золота и драгоценностей и тех, кто должен был выламывать у трупов золотые зубы, молодых людей для обслуживания эсэсовцев и женщин, чтобы было кому стирать белье. Из тех, кто работал на постепенно набиравшем полный ход «предприятии» у газовых камер и на сортировке, лишь немногие прожили несколько дней. *они*

Треблинка – людям снаружи, в жизни, может показаться, что это слово звучит нежно.

Моя следующая пижама

Цепочка согнутых спин, нагруженных узлами, извивается между беспорядочно набросанными горами вещей, не подвергшихся сортировке, и аккуратными кипами уже отсортированных «шерсти», «хлопка», «тряпья». Мелкий песок сортировочного плаца поднимается в воздух и стоит столбом от непрерывного бега сотен ног. А этот человек передо мной, как странно он передал свой узел тому, кто стоит наверху: дотронулся до внутренней стороны его ладони и про-

вел по ней пальцами. Мне любопытно, повторится ли этот жест и в следующий раз. Да, да – он вложил что-то в его ладонь, когда подавал свой узел. И не только он, так делают еще несколько человек. Изможденный старик с бледным лицом, покрытым прожилками, который бежит сзади, слегка касается меня:

– Ты – Рихард? А перед тобой – Карл? Чехи? Я Давид. Прежде чем начнете сортировать вещи для следующего узла, задержитесь около меня. Я объясню вам, в чем дело. Мы должны сообщить всему миру...

Вот так Давид Брат, старик с выступающими зубами и длинным носом, открыл нам секрет. Эти двое, что работают наверху кучи с отсортированными лохмотьями и принимают наши узлы, из Варшавы. Они знают местность, да и вообще ориентируются здесь. Они попытаются бежать. Мы должны им помочь. Их задача – сообщить о Треблинке. Рассказать о Треблинке подпольщикам Варшавского гетто. А те потом попытаются передать сообщение через польское подполье за границу – в Англию.

Какое это замечательное чувство: я тоже принимал в этом участие и тайком передавал тем двоим деньги, найденные при сортировке. А им понадобится много денег. Намного больше, чем люди получают за каждого выданного еврея.

Удалось. Со вчерашнего дня обоих нет в лагере. Незадолго до вечерней переклички они спрятались между кучами вещей. Когда нас пересчитывали эсэсовцы, все было уже в по-

рядке. Не то капо Курланд из «лазарета» дал неверные сведения о том, сколько из нас закончили этот день в «лазарете», и просто завысил число на два человека, не то староста лагеря, инженер Галевский, устроил это. Как? Вечером «красные» и «синие» под носом у эсэсовцев направили дополнительно двух человек в группу только что отобранных для работ.

Общее число при дневной и вечерней переключке совпало! Просто между двумя проверками на сортировочном плацу трудились две лишние согнутые спины.

Сегодня утром узлы с лохмотьями укладывают в кучу уже двое других заключенных. Для эсэсовцев все на одно лицо. А если все-таки спросят о ком-то, им ответят: *они*

– Господин начальник, господин шарфюрер, вчера господин унтершарфюрер Мите отвел его в лазарет...

Разумеется, нельзя, чтобы вдруг пропал коренастый капо Раковский, или Моник из бригады «синих», или какая-то другая известная фигура. Это должен быть безымянный и безликий человек с сортировки, покрытый пылью, серый от песка, согнутый от постоянного перетаскивания тяжестей.

Приходит большой эшелон из Польши, 5000 человек выгружают в несколько приемов. Для работ отбирают всего одного, одного из пяти тысяч.

Вечером на кухне, когда он сказал, что он из Словакии, ему показали нашу чешскую группу, собравшуюся под большой искривленной сосной. В минуты передышки все соби-

раются в кучки неподалеку от кухни. С кружками и мисками в руках стоят они здесь, евреи из Варшавы, из Ченстохова, из Кельце; маленькая чешско-моравская группка и многие другие. Сегодняшний новичок родом из словацкого Прешова, его зовут Целомир Блох. Можно Цело. Он сюда прибыл вместе с женой. Мы не спрашиваем, каким путем он попал из Восточной Словакии вначале в Демблин или как там называют это место в Восточной Польше, а потом сюда. Он невысокого роста, скорее приземистый, круглое лицо с маленькими усиками, над высоким лбом выются черные пышные волосы. Скорее я могу представить его на коне где-нибудь на словацко-венгерской границе, чем в синагоге с талесом на плечах. Уставившись в пустоту поверх жестяной миски, он судорожно пьет, он курит и словно издали отвечает на наши вопросы, которые мы наконец начали ему задавать.

С новичками около кухни всегда повторяется одна и та же сцена, почти без движений, без жестов. Почему я так пристально рассматриваю каждого новенького? Чего я жду? Что он вдруг вззоет, сожмет кулаки, побежит, нападет на них с отчаянным криком... Нет, он этого не делает. Я жду – и хочу, чтобы он этого не сделал. И чувствую облегчение, когда вижу, что он ничего не предпринимает. Значит, он такое же дерьмо, как я, как все здесь... Ну что ж, добро пожаловать в нашу компанию. Если мы все такие, то, может быть, мы все – не дерьмо. Я вспоминаю, как кто-то протянул мне еще одну кружку и какое у него было лицо – словно он был

мне рад. Сейчас к новичку оборачивается долговязый Ганс Фройнд и говорит, словно признавая в нем одного из нас, а может быть, и с облегчением:

– Да, здесь тебя вначале выпотрошат, а уж потом забьют, как скотину.

Целомир Блох, Цело – сейчас на нем еще его собственное зимнее пальто, застегнутое, длинное, достающее до грубых сапог. Уже завтра на нем будут «куртка» – короткое польское пальто, и элегантное галифе, и сапоги из блестящей кожи. Конечно, если он выдержит до завтрашнего дня.

Проходит несколько дней. Однажды вечером, когда нас загнали на ночь в барак, мы не сразу ложимся на песчаный пол. Мы садимся в кружок. Только теперь, в беспокойном свете свечи, видно, что у Цело карие глаза, широкий подбородок с ямочкой и какой-то не очень подходящий нежный рот. Рядом с Цело сидит Руди Масарек. Тонкое лицо, светлая кожа, коротко стриженные белокурые волосы, светло-голубые глаза, грудь и плечи, сформированные фехтованием. Там, на плацу, где все раздевались, он так выделялся, что они не могли не отобрать его. Наверно, человека с такой арийской внешностью они раньше видели только на открытках. Руди – полукровка. Вроде бы, его мать – не еврейка. Желтую звезду он впервые прикрепил на своей свадьбе и пообещал жене, что снимет ее только тогда, когда она, чистокровная еврейка, сможет снять свою. Они вместе приехали в Трешлинку. Она была беременна. Здесь его обещание

потеряло смысл.

Ганс Фройнд возвышается над нами даже сидя. Двигается он всегда не спеша и говорит так же. В каждом его слове слышен истинный пражанин. Он употребляет много выражений, принятых у деловых людей, у торговцев готовой одежды. В «раздевалке» Ганса не могли не заметить из-за его размеров. Его жена и маленький сынишка отправились в «трубу».

А Роберта Альтшуля из нашего эшелона заметили совсем по другой причине. Почти все мы были одеты во что-то пригодное для трудной дороги – в сапоги или высокие ботинки на шнуровке, спортивные брюки, куртки, кепки. На Роберте были шляпа с широкими полями, городской костюм, пальто и туфли. Свой зонт он не привязал к чемодану, а держал в руке. Если бы Роберт был стариком, ничто бы в нем не привлекало внимания. Старые люди в эшелоне были одеты так же. Но Роберт производил впечатление юноши и старика одновременно. Так и стоял он на плацу, где все раздевались, может быть, рядом с Карлом Унгером, чье закаленное тело имело коричневый оттенок, потому что раньше он работал на кирпичном заводе в Оломоуце. Медленно и аккуратно Роберт отложил свой зонт в сторону, снял с головы со слишком рано поредевшими волосами шляпу и от холода начал тереть бледную кожу. Еврейский интеллигент, прошедший всю свою жизнь в Праге между медицинским факультетом, кафе, немецким и чешским театрами и своей холо-

стяжкой квартиры. Сейчас он и сам не может толком вспомнить, как все произошло. То ли вначале обратили внимание на то, как аккуратно и безо всякого подозрения он раздевался перед «мытьем», вывели его и только потом спросили, кто он по профессии. То ли вначале спросили, кто разбирается в медицине и медикаментах; а когда он сказал, что он «медик», отвели его в сторону. Такого специалиста у них еще не было. Его определили заниматься сортировкой медикаментов, в больших количествах поступающих с «богатыми» эшелонами. *они*

Выпускной экзамен, который Роберт еще не успел сдать, чтобы получить диплом по окончании своей учебы, ему уже не нужен. Его случай показывает, что людей отбирают по совпадению случайных обстоятельств.

Потому так и вышло, что могильщики в Треблинке – пестрая смесь: силачи, портные, набожные талмудисты, мошенники варшавского дна, рабочие, бизнесмены и финансисты. Эти так называемые «золотые евреи» собирают золото и украшения, сортируют и подсчитывают банкноты самого разного происхождения и таким образом продолжают здесь профессиональную деятельность, которой они занимались на воле.

Карл Унгер и я – самые молодые в группе. Если мы продержимся еще несколько недель, то отметим здесь свое 22-летие. Остальным четверым за тридцать. Самый старший среди нас, кажется, Ганс Фройнд.

И вот мы сидим на земле и пользуемся минутами, оставшимися до приказа тушить свечи. Незаметно, чтобы Цело руководил. Что-то говорит один, что-то – другой, но все мы поворачиваемся при этом к Цело. Мы должны что-то сделать, чтобы выбраться отсюда. Мы оказались в совершенно незнакомой стране, в другом мире. У тех, кто прибыл из Варшавы или откуда-то еще из Польши, есть хоть небольшой шанс. Для нас выход один – продержаться и выиграть время. Это значит, мы должны чертовски хорошо держаться, мы должны познакомиться с эсэсовцами и охранниками и теми среди заключенных, к чьему мнению прислушиваются. Кроме того, надо хорошо ориентироваться в лагере и тайком собирать деньги и ценные вещи.

– Через две-три недели посмотрим, что можно сделать, – говорят Цело и Роберт.

С того вечера проходит неделя или немного больше. Мы строимся на вечернюю переключку. Черные сапоги из тонкой кожи, начищенные до невыносимого блеска, галифе, короткие куртки повязаны поясами, на шее – шелковые шейные платки, фуражки немного набекрень. Так нас вырядили специалист по готовому платью Ганс Фройнд и модельер Руди Масарек. Молодцеватые ребята в царстве тлена и смерти.

Все в лагере уже знают чешскую группу. Не только нашу шестерку, но и других из тех двадцати, прибывших с эшелонном из Терезина, которых оставили в живых. Только мы сами не знаем, наша ли заслуга, что мы продержались уже почти

три недели. Происходят странные изменения: нас расстреливают, меняют местами и заменяют на новеньких не так часто, как раньше.

Нас перевели из барака наверху, на плацу для раздевания, в нижнюю часть лагеря, в огромное сооружение в форме буквы «U», где разместились наши новые спальни и мастерские. Так здесь возникло еще одно «гетто», куда нас вечерами запирают и откуда по утрам выпускают. Три помещения, отделенные друг от друга стенами, два справа от входа в тупик, а одно на противоположной стороне, считаются отдельными жилыми бараками. Между двумя жилыми помещениями предусмотрено даже небольшое пространство для умывания. Колодец находится за пределами «гетто», перед воротами. Когда нас загоняют в «гетто», то вокруг колодца всегда толкотня, даже драки. Вода для мытья достается в первую очередь успешным драчунам, бойким лгунам и тем, кого мы называем «чистой публикой».

Мы больше не спим на голой земле. По всей ширине барака тянутся сплошные нары, в некоторых местах в два, а кое-где и в три этажа. Мы шестеро спим рядом на верхней полке, там, где двухэтажные нары примыкают к дощатой стене, за которой находится умывальня. Правда, это места для более «чистой публики», но Цело все устроил. Постепенно Цело становится в лагере «кем-то», причем все принимают это как само собой разумеющееся.

Сигнал к подъему – свисток – в шесть утра. Недавно мы

с Карлом гадали, откуда у старосты нашего барака свисток с таким резким звуком. Он не похож ни на детскую игрушку, ни на настоящий судейский свисток. И вот уже гремят жестяные кружки. По утрам дают только черное пойло из эрзац-кофе, без хлеба, без всего. Без четверти семь – на площадку для перекличек, , тянущейся вдоль нашего барака. *ап-пельплац*

Какой суп будет на обед, зависит от того, что привез последний эшелон. После вечерней переклички мы получаем у раздаточного окошка кухни снова эрзац-кофе и порцию хлеба. В маленьких мешочках для хлеба, которые нам разрешено иметь, мы приносим еду получше. Эти сумки, которые мы носим через плечо, скрывают не только еду, но и мыло, бритвенные принадлежности, крем для обуви и всякие повседневные мелочи. Никто толком не знает, кто придумал эти сумки.

Нам разрешили взять из сортировки одеяла. В течение дня они должны лежать в изголовье нар, безупречно сложенные, и все должно быть чисто выметено. В одеяло можно спрятать что-либо полезное для «домашнего хозяйства».

Вечер на нарах после переклички. Роберт только что разложил свой складной стул. Этот стульчик, каким пользуются рыбаки, с сиденьем из брезента, он отважился тайком при-тащить сюда с сортировки, после того как гауптшарфюрер Кюттнер перевел его на работу в только что построенную «амбулаторию». Там, в маленьком отделении жилого бара-

ка, где есть примерно шестнадцать мест на нарах, ему теперь надлежит в более спокойной обстановке сортировать медикаменты.

– Эта амбулатория лучше всего показывает, что планируют делать с нами и вообще, – говорит Роберт. – Каждому настоящему производству нужны рабочие со специализацией. Поэтому нас сейчас холят и лелеют. А вывод из этого такой: нужно ожидать еще больше эшелонов. *они они*

Нашего Руди недавно перевели вниз, в швейную мастерскую. Щеголю-садисту обершарфюреру Курту Францу бросилась в глаза арийская внешность и спортивная фигура Руди. Одновременно он открыл в Руди отличного мужского портного «из Златой Праги» – для себя и для других ээсовцев в Треблинке.

В девять часов свечи должны быть потушены и все должны лежать на своих местах. Я разворачиваю одеяло, обувь и одежду складываю в изголовье, чтобы было удобно достать. На мне шелковая пижама. Завтра я ее выкину. За три дня, вернее, за три ночи она покрывается пятнами крови: здесь несметное количество блох. Может быть, завтра я смогу принести сверху новую пижаму. Правда, это запрещено, но в последнее время на такие вещи смотрят сквозь пальцы.

Только нельзя попасться в руки к самым гнусным – Францу, Кюттнеру, Мите. Может быть, моя следующая пижама еще не прибыла в Треблинку, может, она еще в пути. А может, завтра мне уже не понадобится пижама. Впрочем, если

я буду делать все правильно и ловко, то мне не надо бояться, как в первые дни, что какой-нибудь эсэсовец просто съест меня с кашей.

Становится ясным, что система стабилизации и специализации себя оправдывает. Сегодня «обработали» примерно 15 000. Правда, никто не заметил, что в этой эффективной организации рабского труда появилась первая искра, которая разожжет пожар.

«Илй, Илй — в огонь и пламя гонят они нас...»

Однажды пасмурным ноябрьским вечером из-за песчаного вала вырывается пламя, оно поднимается к небу и моментально распространяется вширь. Мы замечаем огромную огненную картину, когда маршируем вниз на перекличку. Мы шатаемся с мисками в руках вокруг кухни, освещенные темно-красным заревом с той стороны вала и прожекторами на бараках у нас над головой.

– Они начинают сжигать мертвых... Не хватает места для захоронений... Они хотят замести следы.

Слухи распространяются в лагере со скоростью ветра — раньше, чем мы доходим до жилых бараков. Последним на нары залезает Роберт.

– Не так-то просто сжечь такое количество людей, к тому же на открытом огне. – Немного погодя: – Дело в том, что человек не очень хорошо горит, скорее даже плохо. Нужно класть между трупами что-нибудь, что хорошо горит, да еще чем-нибудь полить. Им надо было вначале провести испыта-

ния.

Наплечные сумки сброшены на нары, никто их не открывает. Взгляды все время обращаются к окнам, их мало, и они зарешечены. За ними разливается зарево, оно окрашивает ночное небо в темно-красный цвет, наверху переходит в желто-красный и растворяется в бледно-желтом.

Там, где противоположные нары упираются во внешнюю стену, появляется Сальве. Выпрямившись, спиной к маленькому окну, смотрит он в глубину барака. У него чистое и светлое лицо, без единой морщинки, кожа вокруг прямого носа и вокруг рта такая тонкая, дрожащая. Он только-только начал карьеру оперного тенора, когда его отправили в Варшавское гетто. А оттуда в эшелоне – в Треблинку. Кто-то, кто его знал, указал на него эсэсовцам, вот почему они его отобрали, для себя и для нас. Небольшой, но удивительно красивый человек.

На 14-летнего Эдека никому не пришлось указывать. Он вместе со своей гармонью, которая почти целиком закрывала его тело, воспринимался – о чем он и не подозревал – почти как часть лагерного инвентаря. Его родителей, братьев и сестер сразу по прибытии отправили в «трубу». Они не умели играть на музыкальных инструментах. Сейчас он стоит рядом с Сальве, снизу видны только ноги, сверху над гармонью – удлиненное лицо с печальными глазами; в нем нет ничего детского.

– Илї, Илї... они гонят нас на костер, мучают нас огнем.

Но от Твоего Писания не отказался никто.

Сальве жалуется и оплакивает. Мелодия и слова из далекого прошлого, огонь сегодняшнего дня,рывающийся снаружи, – они разрывают сердце. Они разрывают сердце нам, слушающим эту песню впервые, точно так же, как тем, кто слушал ее раньше в часы ужаса: во время погромов и охоты на ведьм.

– Спаси нас, о спаси нас, Ты один можешь нас спасти! – в конце аккорды обрываются, а голос уносится куда-то высоко, выше огня: – ! *Шма, Исраэль... Адонай эхад*

Ганс хватается за голову:

– Йезус Мария, они и к этому готовы, у них даже для этого случая есть песня!

Этой песне, наверное, четыре с половиной века. Говорят, она возникла во времена Изабеллы Кастильской, на кострах испанского инквизитора Торквемады, когда евреев и других неверных сжигали под знаком обычного креста, еще не свастики.

Верующие евреи не произносят имени Бога. Они называют Его «Всемогущим», «Единственным»: «». *Илì, Илì, ла-ма савахфани*

Я не знаю иврита. Но я много читал Библию, и Ветхий, и Новый Завет. Тогда, одинокими вечерами, когда я давал корм скоту. Трех месяцев не прошло. Теперь я слушаю, широко раскрыв глаза, и передо мной встает сцена, когда человек на кресте около девятого часа возопил громким голосом:

— — то есть: Боже мой, Боже мой! для чего Ты меня оставил? *Или, Или! ламá савахфани?*

Да, это могло быть так: «завеса в храме раздралась надвое, сверху донизу; и земля потряслась; и камни расселись...» — там, за спиной Сальве, за решеткой на окне.

Юрек, капо «красных», высовывается с бутылкой водки и кричит:

— Сальве, спевай «Идише мама»! Давай!

Это я уже знаю. В первый раз я слышал, как Сальве пел эту песню под аккомпанемент Эдека, недавно вечером в швейной мастерской: «Идише мама — лучше не знает свет. Идише мама, ой вэй, как плохо, когда ее нет».

Сальве живет в бараке напротив, потому что он из «придворных евреев». К нам сюда его привело сегодня, вероятно, разверзшееся кровавое небо. Только когда он спускается с нар и собирается уходить, в бараке начинаются разговоры.

— У нас не было настоящей причины и настроения для таких песен. Для этого мы слишком хорошо жили, — говорит Роберт.

Через несколько дней после того как в лагере появился Цело, была создана «сортировочная бригада барака А». Здесь сортируется и перерабатывается только хорошая одежда. Это тот же самый барак, куда меня, а потом и Карла привели после прибытия, к спрессованным кучам одежды, от которых поднимался парок. Но сегодня внутри барака все выглядит совсем по-другому. Решетки из грубых досок разде-

ляют помещение на несколько отделов, которые называются «боксами». Над каждым боксом висит табличка с указанием, что именно там сортируется и хранится. Мы с Карлом работаем в отделе готовой одежды, в боксе «Мужские пальто, I сорт».

Каждый рабочий «барака А» носит желтую нарукавную повязку с буквой «А». Цело здесь бригадир. Эсэсовцы заметили, как остальные собираются вокруг него. Он бросался в глаза, но держался при этом скромно.

Вдоль «барака А» в направлении сортировочного плаца пристроили «барак предварительной сортировки». Мы получаем оттуда материал для переработки, точно так же как и расположенный рядом «барак Б», где сортируют обувь, кожаные и галантерейные изделия, кепки, шляпы и туалетные принадлежности. Со стороны железнодорожной платформы, от которой нас отделяет только тонкая дощатая стена, раздаётся резкий свисток. Маленький Авраам из соседнего бокса съезжает с кучи узлов, откуда он может через щель в досках подсматривать, что происходит снаружи:

– Не теплушки, это – пассажирские вагоны, значит, с запада – богатый эшелон.

Едва Авраам успел снова занять свое рабочее место, как появляется наш теперешний «шеф», унтершарфюрер Бредо, а с ним и другие эсэсовцы:

– Все на выход, на перрон!

Это дополнительная работа, которую выполняем мы, лю-

ди из «барака А». Когда приходит большой эшелон, и бригада «синих» не может достаточно быстро освободить платформу (называемую также перроном или вокзалом) от людей и их багажа, нас бросают туда как резерв на подмогу. Синие и желтые нарукавные повязки действуют на выходящих из поезда людей успокоительно, вызывают доверие. Они свидетельствуют о хорошей организации и порядке в месте прибытия.

Бывало, кто-нибудь из эшелона спрашивал:

– Где мы? Что с нами будет?

А кто-нибудь из нас шептал в ответ:

– Вы идете навстречу смерти... Берегитесь!

Тогда они смотрели на него с недоверием и отчуждением, как на сумасшедшего, если они вообще были в состоянии смотреть в этой толчее, в заботе о детях, женах, матерях, чемоданах и рюкзаках.

Придя на «перрон», я по пассажирским вагонам и обрывкам чешской речи понимаю, что это – эшелон из гетто Терезин. Посреди множества вещей, заполонивших платформу, покачиваясь, бродят несколько отставших стариков.

– Эй, ты, отведи вон ту старуху в лазарет! – эсэсовец делает мне знак плеткой.

Я беру женщину под руку. Платок сбился у нее с головы, обнажив узел седых волос. Наверное, ей за семьдесят, она не маленькая, но и не крупная.

– Прошу вас, куда вы меня ведете? – в голосе чувствуется

беспомощный страх.

– В лазарет... – ни ей, ни мне не кажется странным, что она спрашивает по-чешски, а я по-чешски отвечаю. Для нее Треблинка – продолжение Терезина.

– А почему, собственно, в лазарет?

– Для обследования. Всех старых людей отправляют туда. А откуда вы?

– Из Бенешова... Пожалуйста, дайте мне немного попить. Я очень хочу пить.

– Потерпите чуть-чуть, пожалуйста, не останавливайтесь. Позади нас двигается такая же пара, за ней – эсэсовец, следом еще несколько. Ну, вот пришел и мой черед участвовать в этом. Я должен довести ее туда, там она поймет, посмотрит на меня. Над ямой мне придется сорвать с нее одежду, может быть, поддерживать ее за руку.

Сейчас, думаю я, все решится. Это выпало на твою долю, и тебе остается только сделать то, что ты так часто себе представлял. Не смотри на старуху. Проведи ее как можно ближе к эсэсовцу, дай ему как следует промеж ног, выхвати у него из кобуры пистолет, не бери автомат, из которого он так чисто и беззвучно стреляет. Правда, он слишком внимательно следит за дистанцией. Так близко тебе к нему не подойти, да и постовой наверху, на валу быстрее нажмет на спуск.

Мы приближаемся к зеленой стене «лазарета». Я отпускаю ее руку, хочу освободиться от нее. Но она крепко уцепилась за меня, опирается на мою руку, прижимается к бархату

синей артистической блузы, которую я нашел сегодня утром и сразу же надел.

– Что это было? Там кто-то стрелял? – она спрашивает это без страха, только голос немного взволнован.

– Нет-нет, это наши парни грузят багаж.

Прежде чем мы оказываемся в маленьком проходе, ведущем к «лазарету», я оглядываюсь. Расстояние между парой позади нас и эсэсовцем увеличилось. Для двух людей, идущих рядом, дорога узковата. На втором повороте я делаю ей знак, чтобы она прошла вперед, а сам разворачиваюсь и, словно влекомый посторонней силой, со всех ног несусь назад. В это время внутри раздается очередной выстрел. На входе я протискиваюсь мимо следующей пары. Эсэсовец пропускает меня.

Я бегу в барак, но меня сразу же выгоняют обратно на перрон, чтобы унести оставшийся там багаж. В глазах рябит от надписей на чемоданах с эшелонов, прибывших из Терезина. Горы пожитков, обуви, одежды, консервов все еще растут.

Ты струсил, ты сбежал – от старухи и от того, что ты, собственно, собирался сделать. Тогда наслаждайся и впредь Треблинкой: баландой, плетками, «лазаретом»... Что ты ей сказал, когда она просила пить? «Потерпите чуть-чуть, сейчас вас...» Нет, этого я ей не сказал. Но ты это подумал. Признайся, тебе пришло в голову: через минуту вам уже ничего не понадобится. Ты – скотина, а что бы ты делал, если бы те-

бе пришлось вести свою собственную бабушку? Может быть, и она здесь, только что прошла, уже там, и как раз сейчас...

В барак я возвращаюсь одним из последних. Лицо маленького курчавого Авраама все обсыпано какао из разорвавшегося пакета. Он отряхивается и стирает коричневый порошок, время от времени засовывая немного какао себе в рот. При этом он причитает, печально и мечтательно одновременно:

– , какой большой и богатый эшелон... что за эшелон! *Ой вэй ой вэй,*

Таинственная мастерская смерти

Первый ряд носками ботинок касается белой линии, которая тянется по посыпанному черным шлаком плацу. Мы выстроились вдоль этой линии, без права на жизнь, с наголо обритыми головами и кепками в руках. Перед нами стоят те, кто получают от жизни тем больше, чем больше жизней они уничтожат.

– Не расходиться! Смирно! – ревет Легавый и делает шаг вперед. Гауптшарфюрер СС Фритц Кюттнер, которого мы называем Легавым, – начальник производства в Треблинке. Не начальник, а изверг, он появляется почти одновременно в самых разных местах и умудряется сохранять во всем лагере бешеный, лихорадочный темп.

Высокая фуражка так глубоко надвинута, что закрывает весь лоб. Глаза буравят, словно сквозь прицел, ряды построившихся на плацу.

– Старосты, капо – вперед, за мной!

Часть эсэсовцев двигается в том же направлении. Легавый оставляет без внимания маленькую группу женщин, стоящую с краю, и медленно идет вдоль рядов.

– Ты, выходи – нет, ты – да, ты, выходи, ты тоже.

Щелкает плетка. Тревога внутри меня немного утихает, потому что теперь я знаю, о чем идет речь. Но я сразу же настраиваюсь на то, что должно произойти. отбирают людей для «лагеря смерти». Им снова надо пополнить команду тех, кто работает непосредственно в «мастерской смерти». Насколько я знаю, никогда не выбирают людей для «лагеря смерти» прямо из эшелонов. Вероятно, они поняли, что первая часть лагеря является необходимой подготовительной ступенью для работы рядом с совершенно обнаженной смертью, что для нее не очень-то годятся те, кого только что вырвали из жизни. *Они они*

– Ну, капо, кто тут у тебя самые ленивые? Выводи их!

Легавый делает вид, что выбор зависит от капо и бригадиров. Они молча подыгрывают ему. Вот капо едва приметно замедлил шаг около одного, вот чуть дольше поглядел на другого, и Легаш выгоняет обоих плеткой из ряда. Это – ненадежные люди. Разумеется, Легаш этого не знает. Но зато капо и бригадиры знают это слишком хорошо. Так в этой части Трешлинки рабы молча вершат свое строгое правосудие. Это происходит не только при отборе в «лагерь смерти». Иногда во время работы на сортировке нужна помощь,

но она не поспевает вовремя. И никто не знает, насколько тот или иной «несчастный случай на производстве» был действительно случайностью, или чьей-то личной мезтью, или за ним стояло коллективное решение. Тем временем Легавый уже разогрел себя до своего обычного бешеного состояния, обогнал всех и далеко впереди отбирает людей по собственному усмотрению. Остальные ээсовцы ударами сгоняют их в угол барака – двенадцать, тринадцать, четырнадцать... Сейчас, сейчас он подойдет, вот уже он осматривает человека рядом со мной. Я высоко держу голову, для этого я устался на черную крышу барака. Он прошел мимо: я проскочил, на этот раз. Меня не выбрали, я опять буду сортировать пальто, рубашки, ботинки, буду рыться в кучах продуктов, тайком набивать рот едой, тайком надевать чистое белье...

Те, кого сейчас уводят за вал, спускаются совсем глубоко, в царство смерти. Они больше не соприкоснутся ни с чем, только с ней, только ее они будут держать в руках, только ее одну, но в виде тысяч фигур обнаженной плоти. Со всех сторон тысячами и тысячами разверстых глаз и ртов на них будет смотреть смерть. Она будет размахивать вокруг них тысячами рук и ног. Она пропитает их своим удушливо-сладковатым запахом. С голых тел ничего не принесешь с собой вечером в барак. Они будут ложиться спать в той одежде, в какой их увели отсюда. А есть только то, что выдают на кухне в жестяных мисках. Сигарета там будет цениться дороже,

чем у нас доллары и бриллианты.

Мастерские с инструментами и рабочими столами, платформа, плац-раздевалка, еще хранящий запахи раздетых тел, – это всё места подготовительной работы. В конце, там, внизу, – «второй лагерь» со строго охраняемой тайной. Уже само название «лагерь смерти» есть заклинание, произносить которое опасно. Даже в своем кругу мы говорим «второй лагерь» или «там, на той стороне». И все-таки мало-помалу, как вода крошечными каплями просачивается через сколь угодно прочную плотину, к нам, в «первый лагерь», проникали отдельные сведения, и со временем я узнавал все больше.

План лагеря Трешлинка

(по описанию автора)

1—3 – «казарма имени Макса Биалы»

1 – казармы (украинских) охранников-эсэсовцев

2 – казармы (украинских) охранников-эсэсовцев

3 – администрация и амбулатория для эсэсовцев

4 – инструментальная кладовая «картофельной» бригады

5 – «зооуголок», называемый также зоопарком

6 – конюшня

7 – сарай

8 – прачечная для СС

9 – запланированная пекарня (не была построена)

10 – запланированная кладовая (не была построена)

11 – «большая касса», место работы «золотых евреев»

12—24 – так называемое «гетто»

12 – кухня для заключенных-евреев

13 – прачечная для охранников

14 – амбулатория для евреев

15 – спальный барак «придворных евреев»

16 – швейная и шорная мастерские

17 – столярная мастерская

18 – слесарная мастерская

19 – спальный барак заключенных еврейских женщин

20 – жестяная мастерская

21 – склад мастерских 16–18 и 20

22 – спальный барак «рабочих евреев», так называемый «барак Б»

23 – умывальная

24 – спальный барак «рабочих евреев», так называемый «барак А»

25 – узкий проход между заборами из колючей проволоки; этот проход из первого (приемного) лагеря во второй (лагерь смерти) использовался исключительно эсэсовцами и охранниками

26 – барак, где раздевались женщины, с так называемой «парикмахерской»

27 – «маленькая касса» в «трубе»

28 – барак с древесиной и строительным материалом, в нем – дезинфекционный котел

29 – моторное отделение новых газовых камер

30 – спальный барак «рабочих евреев» во втором лагере (лагере смерти)

31 – маленькая деревянная будка с символом Красного Креста в «лазарете»

32 – яма для мусора и отходов

33 – склад с продуктами для еврейской кухни

Газовые камеры были единственными каменными строениями во всем лагере. Собственно, это были два объекта. Вначале построили – на большом расстоянии от входа – небольшое здание с тремя газовыми камерами, каждая величиной примерно 5 на 5 метров. Потом осенью 1942 года было сооружено здание побольше с десятью газовыми камерами. Его разместили совсем рядом с «трубой», там, где она переходит из первой части лагеря во вторую. Через все новое здание посередине тянется проход. Оттуда входят в газовые камеры, их с каждой стороны по пять. Размер каждой из этих камер примерно 7 на 7 метров. К задней стене, там, где заканчивается проход, примыкает моторное отделение. Из него по системе труб через отверстия в потолке в газовые камеры нагнетают выхлопные газы. Эти трубы замаскированы под душ. Пол, выложенный грубыми плитками, имеет наклон к внешним стенам. В стены встроены герметичные, поднимающиеся вверх двери. После «процесса газификации» их открывают и вытаскивают трупы на узкую платформу. В первое время трупы укладывали на грубо сколоченные носилки и относили к месту захоронения. Теперь их

складывают штабелями на большой решетке для сжигания, изготовленной из рельсов. *они*

В начале октября, когда наш эшелон прибыл в Треблинку, , кажется, уже запустили новые газовые камеры. Если наполнить все эти камеры, то можно одновременно убить почти две тысячи человек. Само отравление газом продолжается примерно двадцать минут. Многое зависит от быстрого заполнения и освобождения газовых камер, а также от того, насколько бесперебойно работают моторы. При задержках «пробка» возникает вне Треблинки, на подъездных путях и коммуникациях. *они*

Если в первой части лагеря готовится следующая партия, то освобождать камеры приходится в самом быстром темпе. Что происходит со всеми ремнями и поясами, которые мы должны собирать и складывать у ворот «второго лагеря»? Каждый на той стороне имеет такой набор ремней. Один конец ремня он обвязывает вокруг ног или рук трупа, и: «Давай, давай, тащи, тащи!» Иначе они вообще не смогли бы с этим справиться, если их всего триста человек.

– Так, марш! – Легавый уже на другом конце . Группа отобранных для «второго лагеря» скрывается за углом барака, а мы маршируем в другом направлении, на работу. *апель-лаца*

– Запевай!

Приказ запевать охранники в черном переняли у зелено-черных и серо-зеленых эсэсовцев и орут, растягивая сло-

ва:

– Пой, да-авай, мать твою, давай, спевай, курва, пой, су-кин сын!

Рев переходит с польского на украинский. Капо и бригады кричат и бегают взад и вперед вдоль колонн:

– Давай-давай, маршировать, раз-два, раз-два, ты что, не умеешь, не понимаешь?

Никто бы не поверил, что этот металлический раскати-стый голос принадлежит такому маленькому человечку, что на этом берлинском диалекте говорит не эсэсовец, а один из трех наших, которых эсэсовцы считают немецкими евреями, а мы – еврейскими немцами. Это капо Маннес, с резкими четкими движениями и чистым загоревшим лицом. В последнем ряду его колонны идет, спотыкаясь, мужчина без имени, без возраста откуда-то из еврейской части деревни под Варшавой. Капо Маннес не хочет, чтобы его людей били плетками. Маленький, старающийся изо всех сил, капо Маннес с громким голосом хочет, чтобы его колонна маршировала безупречно, чтобы все было в порядке. Капо Маннес подбадривает несчастного, предостерегает, что опасность приближается, повышает свой голос почти до воя, опускает его до угрожающего шепота. И хотя капо Маннес не грозит плеткой, бедняга каждый раз со страхом поднимает руку, уклоняется всем телом и отвечает на все жалобными вопросами:

– Ой, капо Маннес, фор вус — для чего — я должен так маршировать в Трешлинке? Фор вус я должен так петь?

Давно уже не такой пугливый, Адриан из польского местечка считает, что маршировать в ногу не годится, это некошерно.

– Ой, капо Маннес, разве ты аид? Что ты за еврей? Немецкий еврей? Еврейский немец? Ряженный шут – вот ты кто.

Десять за одного

В этот раз звук въезжающих вагонов был каким-то необычным. Когда смолк визг тормозов и лязг буферов, раздались свистки. Нас выгоняют из барачков, где мы сортируем вещи. Вдоль всей платформы стоят товарные вагоны. «Синие» и мы открываем их. Никакого давления изнутри, двери открываются легко. Вагоны пусты.

Штабсшарфюрер Штади стоит недалеко от ворот с каким-то оружием через плечо. На перрон пригоняют еще людей с сортировки. Некоторых эсэсовцы бьют плетками и ногами, пока те не упадут на землю. Охранники, как прилежные ученики, подражают им. Тут же и их начальник обервахман Рогоза, юношески красивый, краснощекий хам.

Теперь мы понимаем, почему так неистовствуют! подготавливают новую акцию, режиссируют новую сцену, которую еще не репетировали и не отточили во всех мелочах. Отовсюду слышны свист плеток и крики, пока мы не выстраиваемся в одну линию, и тогда звучит команда: *они Они*

– Бегом! Нагружать вагоны!

Длиннющая цепочка людей движется от пирамид с вещами на плацу к вагонам и обратно. Еще прежде, чем я

с первым тюком прибегаю на платформу, первый вагон уже полон, второй – почти, потом третий, четвертый... Большинство бригадиров размахивают плетками и сопровождают свое «дирижирование» криками.

Все вагоны нагружены. Эсэсовцы переходят от одного вагона к другому, проверяют и приказывают закрыть раздвижные двери. Поезд выезжает, а через короткое время локомотив вталкивает новые пустые вагоны.

– Итак, это – обратный эшелон, – говорит Ганс Фройнд, который возвышается надо всеми и смотрит вверх всех. – Все, что еще осталось, – годится для фронта и для рейха.

В те дни, в конце ноября – начале декабря эшелоны стали реже, но работа в лагере была по-прежнему интенсивной. Вагоны с людьми, прибывающими в Треблинку, чередовались с вагонами с вещами, которые уходили из Треблинки. За небольшими исключениями вагоны, в которых привозили людей, для отправки отсортированных вещей не использовали. Крытые вагоны для скота с людьми приходили большей частью из Польши, пустые товарные вагоны для вещей – из Германии. Горы увязанных в тюки вещей на сортировке исчезали, и вырастали новые, как в мультфильме.

Если бы я был эсэсовцем, то знал бы, что и этот «сброд» может объединяться, если он два-три дня бежит цепью друг за другом и все время нагружает вагоны. Тут уж слишком хорошо знаешь, кто бежит перед тобой, кто – после тебя, кто забирает у тебя тюк, кто укладывает его в вагон.

Я бы заметил, что произошло недавно. В дверях вагона столкнулись не то три, не то четыре человека с тюками и упали. Два бригадира тут же кинулись на них с плетками. Староста лагеря Галевский тоже с криком бросился туда. Потом кто-то из бригадиров отгонял ударами людей от вагонов, а унтершарфюреру Гентцу оставалось только обернуться и смотреть, «как эти польские мерзавцы избивают друг друга». А тем временем двое уже были спрятаны в вагоне между тюками и прикрыты сверху вещами. Вагон готов к отправке.

– Закрывать, господин начальник?

Если бы я был ээсовцем, я бы услышал в этом глупом вопросе больше. Полностью нагруженный состав выезжает, а с ним еще двое, которые «должны сообщить миру».

Все это сопровождалось прекрасно организованной суматохой. А главными актерами – кроме двух беглецов – были те, что толпились перед кухонной раздачей и норовили стянуть что-нибудь прямо у тебя под носом.

Если бы я был здесь ээсовцем... Меня все время преследуют эти слова и мысли.

Вскоре после этого происходят два события, которые заглушают чувство удовлетворения и могут сломить волю к побегу из Треблинки. Въедливый обершарфюрер Бёлитц, он всегда строже и основательнее остальных, обнаружил незадолго до отправки нагруженных вагонов двух человек с сортировки, спрятавшихся под вагоном. Сразу же появляется

Лялька, потому что это – его забота. Он не идет, он вышагивает. Он знает (и это знание чувствуется в каждом его шаге), что все в нем безупречно, отглажено, начищено: черные сапоги, серые галифе с нашитыми желтыми кусками кожи, зеленый китель, серые перчатки из оленьей кожи, сдвинутая набок фуражка с «мертвой головой». Обершарфюрер СС Курт Франц совершенно уверен, что из всех здесь он – самый высокий и самый красивый парень. Чего он не знает, так это того, что за свою фигуру, красные щеки и сияющие карие глаза он получил от узников Трешлинка польское прозвище Лялька – «кукла».

Остальные эсэсовцы стоят вокруг словно в ожидании представления, представления с людьми, похожими на голые пугала. Тем двоим приказывают раздеться уже на перроне. Сбегаются охранники, по приказу и в ожидании нового «развлечения». За веревку, накинутую на шею, их, голых, волокут к кухне, избивая плетками. Там их вешают за ноги, головами вниз, на балке, укрепленной между двумя соснами.

– Как следует посмотрите на этих двоих! – рука в серой перчатке из оленьей кожи показывает за угол барака в направлении кухни. – И сделайте из этого выводы на случай, если кому-то придет в голову что-нибудь подобное. Размечтались, скоты! Разойтись!

Толпа около кухни растет – ведь в последнее время эшелоны приходят реже и горы еды исчезли. Через пар, поднимающийся на пронизывающем холоде от мисок, сквозь слабый

запах из кухни навязчиво лезет в глаза картина, как будто перевернутая с ног на голову кривым зеркалом. Синеватые тела, закинутые назад головы, выступающие кадыки, глаза, словно вылезшие на лоб, широкая полоса крови между носом и ртом, тонкая – от уголков рта к вискам.

– Шма, Исраэль – слушай, Израиль! – вначале слышен хрип, затем возникают слова молитвы и одновременно призыв к борьбе. Потом по телу проходит судорога, как будто он хочет опереться на связанные за спиной руки, и кровоточащий рот выталкивает слова: – Чего вы еще ждете? Отбросьте жратву и подумайте о мести!

Та же сцена повторяется, когда из загруженного вагона выволакивают еще двоих. Не совсем ясно, то ли они собирались спрятаться, то ли просто запутались в тюках, когда укладывали их в вагоне в штабель. На этот раз позвали плотников, и вскоре из земли на «вокзале» возвышались два столба, между ними – перекладина, а на ней висели беглецы, нам в предостережение. Когда мы после обеда маршируем мимо, они уже не издают ни звука, а мне в голову приходит только одна совершенно идиотская мысль: «Значит, вот как выглядит голый человек, поставленный на голову». *они*

Через некоторое время их срезают – в «лазарет», а виселицу приказывают разобрать. *они*

Несколькими днями позднее Цело ведет наше вечернее заседание на нарах тише, чем обычно, но тем настойчивее звучат его слова:

– Итак, пора что-то предпринять. Скоро наступит зима, холода, снег, и тогда...

– Ну да, тогда у нас отмерзнут ноги, если они повесят нас голыми, – роняет Ганс Фройнд.

– Я разговаривал сегодня с одним, его зовут Коленбреннер. Он говорит, у него есть план, как нам шестерым вместе с ним выбраться отсюда. Ночью это не так опасно. Барак не запирают. Я как бригадир могу позвать украинца, который будет дежурить, к двери. Можно договориться с ним о сделке. Если мы условимся с тем, кто будет дежурить вечером, что ночью положим у двери кошелек с деньгами, а он принесет бутылку водки... это ведь уже практикуется некоторое время. Вы будете стоять за дверью, и, когда он подойдет поближе, мы с ним управимся совсем бесшумно. Один из нас наденет его форму, возьмет его карабин и подзовет к воротам гетто дежурного эсэсовца. Его нам тоже придется убить, а форма, фуражка и автомат помогут пройти через пост у ворот и выбраться к железнодорожным путям. Это – кратчайший путь. Если мы сбежим вместе с этим парнем, Коленбреннером, он обещает за это провести нас в Варшаву и достать для всех фальшивые документы.

– Это значит, что мы должны взять с собой увесистый пакет с деньгами и золотом, – добавляет Роберт.

– А почему этот парень выбрал именно нас? – снова вмешивается Ганс. – У него ведь есть здесь другие знакомые, нас он знает слишком мало.

– А мы – его, – присоединяется Роберт. – Только, вероятно, для нас это единственная возможность.

– Он не хочет пробовать ни с кем из тех, кого знает, потому что знает слишком многих, – объясняет Цело.

– И потому что знает их слишком хорошо, – добавляет Ганс.

– С фальшивыми документами мы могли бы присоединиться к подполью в Польше, к партизанам или добровольно записаться на работу в Германию.

– И почему же он оказался в Треблинке, если давно уже мог достать все это себе в Варшаве?

– Потому что он тоже этому не верил. Что-то такое ему доводилось слышать, но был не в состоянии поверить. Нам он доверяет.

– Доверяет... Доверяет, потому что арийские физиономии нашего Руди и Карла облегчат ему побег. – Ганс помазком показывает перед собой. – Еще он рассчитывает, что в случае чего мы окажемся находчивее и не наложим сразу в штаны, как его вшивые дружки. Руди был в армии лейтенантом, Цело тоже, а он, дерьмовый умник из Варшавы, будет давать нам советы и пользоваться нами как личной охраной.

– Но, человеку, на Треблинку то не е така зла понука – для Треблинки, приятель, это не такое уж плохое предложение, – Цело путает словацкие, чешские и польские слова.

– А что ему помешает бросить нас где-нибудь одних, когда мы выберемся из лагеря? Где-нибудь в Польше? – про-

должает сомневаться Ганс.

– Хоть бы меня кто-нибудь бросил где-нибудь в Польше, – мечтательно произносит Карл.

Все начинают говорить одновременно:

– Если нас поймают уже здесь, то дальше – голышом вверх ногами, это длится не очень долго, может быть, двадцать минут, потом теряешь сознание.

– Двадцать минут для тебя недолго?

– Этого мы вообще не должны допустить, мы должны сразу же броситься на них и убить.

– А если снаружи нас поймают немецкая полевая жандармерия, или как там она называется? Ты слышал, что они делают здесь, в Польше, если у человека нет документов? Они раздевают тебя, и вот тебе паспорт: обрезанная крайняя плоть. Они еще поиграются с тобой немного, пока ты не оченеешь.

– Для эсэсовской формы у Руди самая подходящая фигура, но снаружи будет лучше сразу снять мундир.

– Самое позднее через неделю мы должны попытаться, – Цело снова говорит спокойно. – Руди и я еще попробуем выяснить, бывает ли вообще смена у ночного караула и как это происходит. Вы завтра же пронесете сюда из бокса все собранные деньги. У каждого в кармане должны быть какие-нибудь консервы, нож, веревка или ремень.

Прошло два дня. В эту ночь охране не пришлось будить нас утром. Задолго до свистка все на ногах. В бараке слыш-

ны взволнованные, приглушенные голоса. Семеро из бригады «синих» попробовали сбежать, примерно так же, как планировали и мы. Но охранник у ворот гетто оказался быстрее, он успел вызвать дежурного эсэсовца, а с ним и подкрепление. Номера семерых записали, потом их загнали обратно в барак, а у барака поставили часовых. Все это произошло в тишине между двумя и тремя часами ночи. Вот тогда в первый раз и сработали матерчатые треугольники с номерами, которые мы получили при переселении в «гетто». Эти треугольники мы должны носить на верхней одежде на левой стороне груди, так чтобы их было хорошо видно.

– Они дали загнать себя обратно, – Роберт растягивает слова еще больше, чем всегда. – И это при том, что в «синие» берут только лихих ребят.

На перекличке в этот раз присутствует необычно много эсэсовцев. Кажется, около двадцати. Лялька-Франц выходит вперед и начинает представление:

– Сегодня в последний раз будут приняты мягкие меры! – у него пренебрежительное выражение лица. – Семеро из вас, которые хотели сбежать, будут расстреляны, – вдруг он переходит на крик: – с сегодняшнего дня я устанавливаю новый порядок: каждый капо и каждый бригадир отвечает за своих людей собственной шкурой. За каждого, кто сбежит или попытается сбежать, будут расстреляны десять человек – десять за одного! И все капо и бригадиры теперь будут присутствовать при казни в «лазарете»! Разойтись!

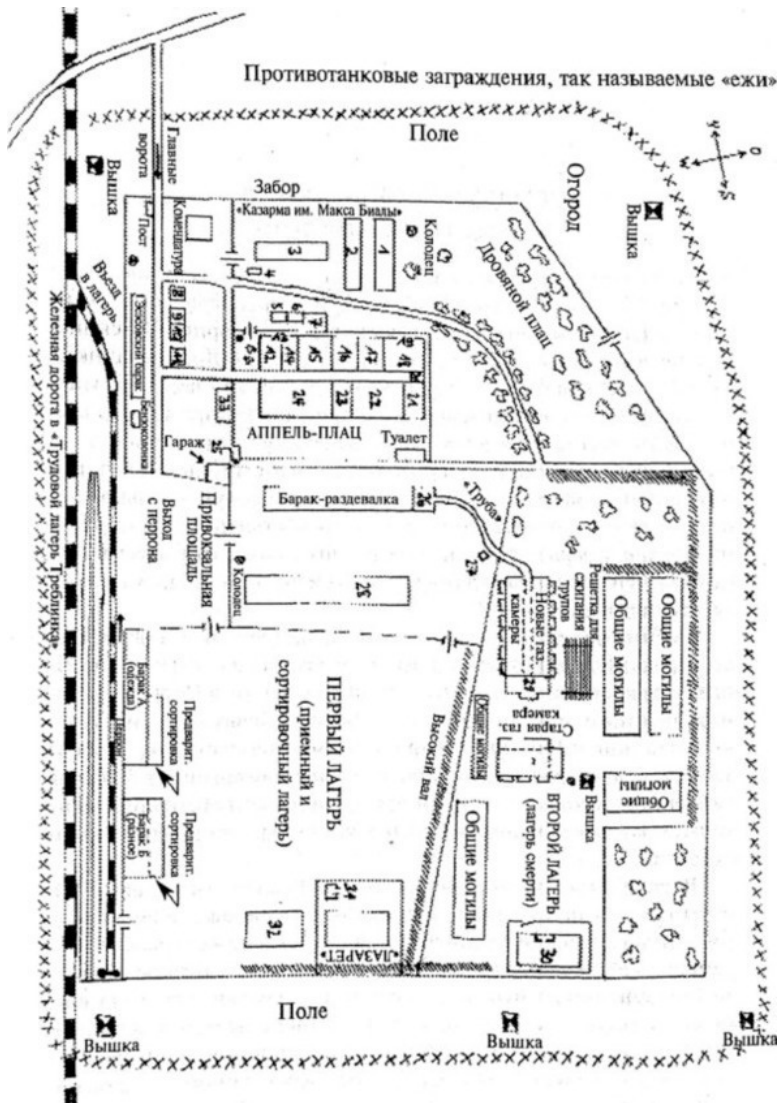
Мы маршируем с , а наверху расходимся по рабочим ба-
ракам. *апельплаца*

– Но их не пытали, – замечает кто-то и в тишине, насту-
пившей после семи одиночных выстрелов, добавляет: – Де-
сять за одного.

(продолжение следует)

Противотанковые заграждения, так называемые «ежи»

Поле

Виталий Шейнин

К этимологии и истории фамилий у российских евреев

В начале статьи я хотел бы отметить титаническую работу проф. Александра Бейдера по изучению еврейских имен. Он не был первым исследователем в этой области еврейской антропологии, но его книги являются основополагающими и по методу, и по тщательности, и по охвату материала.

Я заинтересовался еврейскими фамилиями в Ленинграде в начале 60-х. Посещая еврейские кладбища, я заносил на карточки еврейские имена и фамилии так, как они были указаны на надгробиях (в еврейской и русской графике). То же самое я проделывал и в других местах. К 1966 г. у меня собралась картотека, насчитывающая что-то между 3000 и 5000 фамилий. Тогда я начал классифицировать собранный материал по категориям, которые более или менее отражены в данной статье. Покидая СССР в 1972 г., я по условиям времени не смог вывезти ни картотеку, ни систематического указателя к ней, тоже на карточках. Все, что у меня осталось от этого проекта, это несколько карандашных заметок, которые за 47 лет порядком выцвели, но тем не менее послужили мне напоминанием о старой и незакон-

ченной работе. Конечно, за это время появилось много трудов на эту тему, но я работал независимо ни от одного из них, и, познакомившись с книгами проф. Александра Бейдера и другими исследованиями, я убедился, что мой подход к теме, общий ход работы и основные выводы анализа подтвердились.

***

До конца восемнадцатого века у евреев в Европе не было фамилий, они довольствовались личным именем и именем отца, например: Давид, сын Арона. Если по каким-то причинам требовалось более точно определить личность человека, добавляли название места жительства, напр. Давид, сын Арона из Рогачова. Евреи мужского рода обычно вносились в записные книжки по месту жительства, и это был единственный документ регистрации, хотя и не имевший официального статуса. Положение резко меняется, когда в результате либеральных реформ в европейских странах все религиозные и национальные меньшинства включаются в политическую и гражданскую систему государств. Тогда возникает необходимость точно регистрировать подданных-налогоплательщиков и возможных кандидатов для рекрутирования в армию, а также для стандартизированного судопроизводства. *могейлов*

Первым европейским государством, которое официальным рескриптом предписало ввести фамилии у евреев была Австро-Венгрия (1787). За ней последовали Пруссия (1790)

и Наполеоновская Франция (1808).

В России почти до конца восемнадцатого века не было значительного еврейского населения, но в девяностых годах после трех разделов Польши (1772, 1793 и 1795—96) в стране проживало 3 миллиона евреев преимущественно польского и австро-венгерского происхождения. С 1804 года и Россия начала предписывать введение фамилий, но этот процесс шел медленно и даже через 50—60 лет все еще были евреи без фамилий.

В настоящей статье я попытался перечислить самые распространенные еврейские фамилии, описать, как и по какому принципу они образованы и по возможности определить смысл главного элемента (этимона). В случаях образования фамилий от библейских личных имен и от названий географических пунктов я воздерживался приводить научную этимологию в надежде сделать это в других работах.

Фамилии, образованные от личных имен мужских ЭПОНИМОВ

Много еврейских фамилий образовались от мужских имен на языке иврит библейского периода. От имени Авраам / Абрам / Аврум пошли фамилии Абрамсон, Абрамов, Абрамович, Абрашин, Абрамский, Аврамович, Аврамов, Аврумов, Аврунин, от имени Авигдор – пошли фамилии Авигдорин, Авигдоров, Вигдоров, Вигдорович, Вигдаревич, Вигдорский, Вигдоровский, от имени Азария – пошли фамилии Азаров, Азарин, Азариев, Азаровский, Зо-

рин, от имени Амос – пошли фамилии Амосин, Амосов, Амусин, Амусья, от имени Аарон / Арон – пошли фамилии Аронсон, Аронзон, Аронов, Ароновиц, Аронович, Аронский, Аронин, Агаронович, Агаронский, Агронович, Агронский, от имени Ашер – пошли фамилии Ашеров, Ашеревич, Ашеровский, Ошеров, Ошеревич, Ошеровский, от имени Бинъямин / Вениамин – Бинъяминов, Бенъяминов, Вениаминов, Гавриэл / Гавриил / Гаврила – Гавриэлов, Гавриэлович, Гавриэлевич, Гаврилов, Гаврилин, Габриэлович, Гершон – Гершуни, Гершунов, Гершунович, Гидон-Гидеон – Гидонов, Гидони, Гидеонов, от имени Гиллель – Гилевич, Гилелес, Гиллельс, Гиленко, Гиленсон, от имени Давид – Давидин, Давидов, Давидович, Давидсон, Додзин, от имени Дан – Данин, Данский, Даневич, Даневский, от имени Даниэл / Даниил / Данила – Данилин, Данилевский, Даниэли, Данилевич, Даниэлов, от имени Элиягу-Илья – Ильин, Ильинский; от имени Зехария – Захар, Захаров, Захарин, Захаровский, от имени Иосиф-Юзеф – Иосифович, Юзефович. Исак-Ицхак – Исакзон, Исаковский Ицкевич, Ицикович, Ицковский, от имени Израэль-Сруль – Израэльзон, Израильсон, Израилевич, Израйлит, Срулич, Срулев, Срулевич, Срулевский, от имени Йешайя / Исайя / Исай, – Исаев, Исайкин; от имени Миха-Михаэл-Михель – фамилии Михельзон, Михельсон, Михелевич. Менахем / Манахем – Менахимов, Манахимов, Менахемин, Манахимин. Менаше-Манассия – Манас, Манасин, Манасевич, Моше-Мойше-Мов-

ша-Мозес – Мошин, Мойшин, Мошкин, Мовшин, Мовшович, Мозесон, Мойсеев, Мойшелес, Мосин, Моськин. Меир-Мейер-Меер – Мееров, Меерович, Мейерсон, Мейерович, Мееровский. Натан-Носон – Натанзон, Натановский, Натанович Носонов, Носоновский; Нафтали – Нафталевич, Нафтулов, Нафтульев. Нахум, Нохум, Нохим – Нахумкин, Наумкин, Наумов, Нахимкин, Нахимсон, Нохимсон, Нахимшин, Нюмин, Нюмкин, Нюмкевич, возм. Нахимов, Парнах – Парнах, Песах – Пейсахович, Пинхас – Пинхасов, Пинхасович, Пинхасевич; Рафаэль/Рафаил – Рафаилевич, Рафаэлович, Рафалович, Рафаильсон. Реувен / Рубен / Рувим – Рубенский, Рувимов, Рувимович, Самуэл-Самуил-Шмуель-Шмуль-Шмиль – Самуилевич, Самуэлович, Самуильсон, Самойло, Самойлов, Шмулев, Шмулевский, Шмуйлович, Шмулевич, Шмилевич, Шмилек, Шмилик, Шмиликов, Шмиликовский, Смиликовский, Симха – Симхони, Симхович, Симхевич. Ури (собст. Ури и тж. сокр. от Уриэль) – Уриев, Урин, Уринов, Уринович, Уриновский, Ханан-Ханания – Ананин, Ананьев, Ананиевич, Ананиевский, Цемах – Цимхони, Цимхонич, Цимхович, Цимхевич; Шаул-Саул – Саулов, Саулин, Саульский, Сауловский, Савлович, Савловский, Савулин и Шаули; Симон-Симон-Семион-Семён – Шимонович, Симонов, Симоновский, Симони и Симонович; Шимшон-Самсон – Шимшелевич, Самсонов, Самсоновский; Шмария, Шмерке, Шмерка – Шмеркин, Йегуда-Иегуда-Юда- Юдка-Юдель, – Юдин, Юд-

кин, Юдкевич, Юдович, Юдель, Юделевич, Юдкович, от имени Эфраим-Ефрем-Фроим – Эфраимсон, Ефремов, Ефремин, Фроимзон; от имени Шайя, Шайке (сокр. от имени. Йешайя) – Шаин, Шаев, Шайкин, Шайевич, Шайкевич, Шавич, Шайевский; от имени Элиша (Елисей) – Элишин, Элишев, Элишевский, Элишевич; от имени Элиэзер-Элиазар-Лазарь, Лейзер – Елизаров, Лазаров, Лейзерович, Лазаровский, Лейзеровский; Эльйашив – Эльяшевич; Яков / Янкель / Янкев – Якоби, Якобзон, Якобсон, Яковлев, Янкелев, Янкельзон, Янкевич или Янкелевич. От библейских имен Эфрат (название города) в ашкеназском произношении пошла фамилия Эфрос и о т Эфрон (личное имя) – фамилия Эфрон / Ефрон Было и много других фамилий образованных на базе библейских имен. От библейского названия реки Тигр – Хиддекель (Быт 2:14; Дан 10:4) пошла фамилия Хидекель. От библейского названия города Сузы – Шушан – пошла фамилия Шушан (распространена и у ашкеназов и у сепардов).

Влияние библии (Танаха) на еврейскую культуру было так велико, что даже редкие личные имена, упомянутые в Книге только один раз, становились базой для образования фамилий. К таким фамилиям относятся Эльканович (от Элькана – I Сам 1:1), Пильдиш (от Пильдаш – Быт 22:22), Циханович / Цеханович (от Циха – Эзра 2:43), Палти, Палтин (от Палти – Нех 12:17), Рахмиэлевич / Рахмиелевич / Рахмелевич / (от Йерахмиэль – I Хрон 2:9), Шиманович (от Шим'а – II Сам

3:13) и также Шимкес.

К этим фамилиям следует добавить фамилии, образованные сходным образом, но на базе мужских имен на языке идиш, такие как Айзикович (от библейского имени Исаак / Ицхак / Ицхок, но произносимого по-ашкеназски Айзик), Айзиков Айзиковский; Альтарович, Альтаревич, Альтерович; Берков, Беркович, Берковский; Бунин, Вольфсон, Вульфин, Вульфович, Вульфзон, Вульфензон; Герцевич, Гершензон, Гершович, Гершкович, Гершанов, Гиршович, Залманов и Залмансон, Зелигсон / Зеликсон, Зямин, Изин, Ирмин, Лейбов, Лейбович, Лейбавич, Лебов, Лебович, Лебовский, Лейбовский; Марков, Маркович, Меерсон, Мейерсон, Меирсон Мееров, Мейеров, Меерович, Мейерович, Меерзон, Мейерзон, Менделев, Мендельзон, Мендельсон, Менделевич, Монес, Монсон, Роман, Романовский, Ромов, Сендеров, Сендерович / Шендерович, Тевелев, Файтельзон, Файтельсон, Файвусевич, Фроимзон, Хацкелев, Шахнович, Шнеерсон, и немногие другие. Иногда эпоним имел двойное имя как Авраам Бер или Дов Бер. Такие имена воспринимались как одно имя Аврамбер или Бердов, и от них образовывались фамилии Аврамберов, Аврамберский и Бердовес, Бердовиц, Бердовский.

В раввинских семьях мальчикам часто давали имена, произведенные от имен мудрецов Талмуда и мидрашим, и от них соответственно образовывались фамилии по известным моделям.

От имени Абае (Кетубот 45), Абба (Брахот 24) Абович, Иси (Моэд Катан 20) – Исин, Эльякум (Авода Зара 58) – Эльякумов, Александер (Тамид 31) – Александров, Александрович, Александров (по имени Александра Македонского, упомянутого в Талмуде, Мани (Та’анит 23), по-ашкеназски Мони – Монис, Моневич, Маневич, Эльасе (Ваййикра Рабба 4) – Эльясевич.

От средневековых ивритских имен Арье-Ари (лев) – пошли фамилии Арин, Ариев, Ариновский, Гур-Арье (львенок), Дов (медведь) – Дович, Дубин, Добзон, от имени Зеев (волк) – Зевин. Калман (от измененного имени Калонимос, в свою очередь от греч. Καλονιμος (доброе имя) – Калманов, Калманович, Калмановский. От имени Симха (радость) – пошли Симховичи и Симхевичи. От имени Хаим (жизнь) – Хаймович, Хаимзон и Хаимсон, и т. д.

Фамилии, образованные от личных имен женских эпонимов

Много еврейских фамилий образовались от женских имен на языке иврит. От имени Батшева – в переводе с иврита «седьмая дочь», на языке идиш Бася – пошли фамилии Башевкин, Башевис, Басин, Баскин, Басов, Бусин и Бuzин. Браха – в переводе «благословение» – дала фамилии Брухис, Брoхес, Брошкин. От имени Геула, Гуля – «избавление» – пошли Гуль, Гулин, Гулевский, Гулевич, Гулько. От имени Дина – ивр. «судящая» – Динин, Диневис, Диневич, Динезон. Двора / Дора – «пчела» – вызвала к жизни Дво-

рина, Дворкина, Двойреса, Дворецкого, Деборина и Дорина. От имени Мара, Марка – «горькая» – пошли Марины, Маркесы. От имени Малка – «царица» – пошли Малкины, Малкесы и Малковы. От имени Менуха, Мнуха – «покой» – пошли Менухины, Мнухины. Михаль – «ручей, поток» Михаил, Михальский, Михалевич. Нехама – «утешение» – дала Нехамин, Нехамкин, Нехамкес, Нехумес, а Рахель – «овца» – Рахлин, Райхлин. От Раи и Райки – ивр. «супруга» – Раин, Райкин, Раев, Раевский, и Райкес. От имени Ривка – «задерживающая», по-другому «тёлка», «мягкая» – пошли по свету Ривкесы, Ривкины, Ривлины, Ривичи, Ривинсоны и Ривманы. От имени Сарра, Сурка – ивр. «управляющая» – Сарин, Сурис, Суриц, Тамар – «пальма» – Тамарины, Тамаркины, Тумаркины, Темины и Темкины, а от имени Хава, Хавка – «живая» – Хавкины, Хана – «симпатичная» – Ханины, Хановичи, Хайкины, Ципора – «птица» – Ципины, Ципкины, Циперсоны и Циперовичи. Шифра – ивр «прекрасная» – Шифрин и Шифрон, от Шули (ид. вариант библейского имени Шуламид / Шуламис (Суламифь) – Шулин и Шулькин, Эстер / Стера / Фира – Эстерин, Эстеркин, Эстрин, Стеркин и Фирин. Яфа – «красивая» – Яффе, Йоффе, Иоффе. Шифра – «прекрасная» – Шифрин, Шифаревич. Яхна / Яхне – Яхнович, Йохнович.

Фамилии образовывались и от женских имен на языке идиш. От Альте – «старая» – пошли Альтовы. От Бейлы пошли Бейлин, Бейлис и Белкин. Блюма дала Блюми-

ных, Блюмкиных, Блюмовичей. Брайна / Бриана «коричневая» – Брайнины. От Бранды / Брейндл – «брюнетка» – пошли Брандин и Брендин. Геня – Генин, Генис, Гинда – Гиндин, Гиндис, Гендель, Генделев, Гендин. От Геси пошли Гесин, Геселев и Гес (с) елевич. От Гуты / Гиты – «хорошая» – пошли Гитин, Гитович, Гутин, Гительзон. Гольдин, Гольдинов – от Голды (золотая). От Добы / Добки – «добрая» – пошли Добкины, Допкины и Допкевичи. От Драбки / Драпки пошли Драбкин и Драпкин. От Дрейзи пошли Дрейзины. От Зельды – «счастье, радость» – Зельдес, Зельдин, Зельдович, Зельдовский и Зельдон. От Зислы – «сладкая» – Зислин. От Зуси – тоже «сладкая» – Зусин, Зускин. От Иды пошли Идины, Итины, Идкины, Иткины, Иткевичи. Кейлин – от Кейли. От Крейны – «корона» – пошли Крейнины. От Либы – «любовь» – Либов, Либович, Либовский, Либон. От Любы – тоже «любовь» – Любин. От Меры / Мерки – «заметная» – пошли Меркины. Миркин и Мирон – от Мирры, Миры. От Песи – Песины. От Рейны – «чистая» – пошли Рейнины. От Рохл (ид. вариант ивр. Рахель) – Рохлины и Райхель. Тойба – ид. «голубка» – Тобин и Тойбин. От Трайны / Трейны – ид. «пытающаяся» пошли Трайнины и Трейнины. От Фейги – ид. «птица» – Фейгелес, Фейгельсон. Фрейда – «радость» – дала фамилию Фрадкин, Фрида – «мир» – дала Фрид, Фридин, Фридкин и Фридман. Фрума – «благочестивая» – Фруммин, Фрумкин, Хася – Хасин. Хволя – Хвольсон, от Хили – Хилевич, Хися – Хисин, от Цетл – Цет-

лин, Цейтлин, Цайтлин и Цеткин, Чарна / Черна – «черная, темная» – Чернис и Чернин, Чернов, Чарный, Черный. Шейна – «красивая» – Шейнис и Шейнин, Шейндль / Шендль – варианты той же Шейны – Шейндлин, Шендлин. от Шпринцы – «надежда» – Шпринцак. Есть и фамилия Равкин. Женского имени Равка найти не удастся, хотя, несомненно, такое существовало. Правда есть на Украине река Равка, но я лично не встречал еврейских фамилий, образованных от названий рек (как русская модель Волга – Волгин, Лена – Ленин).

Очень много еврейских фамилий по той же модели произведено и от женских имен с корнями в немецком, романских и славянских языках. От Беллы – итал. «bella» (красивая) – пошли Беллины и Белкины. От Златы (золотая) – пошли Златины, Златкины, Златкесы. От Йенты – итал. «gentile» (добрая, любезная, деликатная) – Ентин, Энтин, Энтелис, От Лиды – лат. «ludia» (игривая) или греч. Λυδία (Lydia) – Лидин, Лидов, Лидовин, Лидович, Лидовский и Лидкин. От Лизы – лат. «ludia» (игривая) или греч. Λυδία (Lydia) – Лизин, Лизов, Лизовский и Лизон. От Лили – lat. «lilium» (лилия) – Лилин и Лилькин. От Любы – Любин и Любкин. От Мани – Манес, Манин, Манькин, Маневич. От Милы – Милин, Милькин, Милевич, Миликовский. От Муры – Мурин, Муркин, Муревич, Муровский. От Паши – Пашин, Пашкин, Пашкевич. От Перлы – нем. / ид. perle (жемчужина) – Перлин. От Райцы – Райцины. От Регины – лат. regina

(царица, королева) – Регинский. От Роды – лат./ греч. *rhoda* (роза) – Родин, Родинский, Родкин Родзинский и Родкинсон. От Розы – лат. *rosa* (роза) – Розин, Розинский, Рейзин, Ревзин, и Розенсон. От Славы – Славин, Словин, Словес и Славкин. От Тани – Танес, Танин, Танькин, Таневич.

К такого рода фамилиям примыкают фамилии-прозвища, образованные от степени родства типа «папин», «мамин», «дедушкин», «бабушкин», «дядин», «тетин», (Тательман, Тутельман; Мамин, Мамелин, Мамельман; Папин, Папкин, Пасынковский, Зайдель, Зейдель, Зайделин, Зейделин; Бабель, Бобель, Бабин, Бабич, Бобин, Бабелин, Бобелин; Фетер, Фетеров, Тантин, Тантель, Тантлевич, Тантлевский, Мумин, Мумикес, Элтерзейдель, Элтербобин).

Фамилии по названиям географических пунктов, местностей, и даже стран

Появились фамилии, связанные с местом жительства евреев (точнее с местом исхода, т.к. эти фамилии-прозвища укреплялись за людьми, которые покинули оригинальные места жительства). Таких фамилий было великое множество. Количество их показывает большую мобильность населения. Люди переселялись в поисках пропитания и лучших условий жизни. Города, городки и местечки оставили следы в тысячах еврейских фамилий. На самом деле, по ним можно изучать не только географию «черты оседлости», но и всей Европы. Судите сами даже по такому краткому списку:

Антокольский, Антопольский, Балта, Баришевский, Ба-

рышивский, Берлинер, Барский, Бельский, Бережанский, Бережанер, Бершадский, Блантер (от Бланты – деревня в Горайской волости Островского района Псковской области в 14 км к югу от города Остров), Борщаговский, Борщевский, Брагинский, Браславский, Братиславский, Брискер, Брискин, Брисковер, Броди, Бройда, Бродский, Бруцкус, Брон (н) ицкий, Бутома (от польск. села *Butom?*), Вапнярский, Варшаваер, Вильнер, Винницкий, Витковиц, Витковецкий, Владимирский, Воложинер, Волинский, Воронежский, Высоцкий, Гайсин, Галичский, Галичанин, Гамбург, Гинцбург, Гинзбург, Гинзберг (от германского города *Günzburg* в Баварии), Гомельский, Горелик, Горлик, Горлин, Горлиц, Горлицкий, Горовец, Гроднин, Гроднян, Гроднянский, Городинский, Городецкий, Городицкий и Городницкий, Гур, Гурвич, Гуревич, Гурский, Гуревский, Дембиц, Дембицер, Дембицкий, Дембович, Дембовский, Дембский, Демский, Динабург, Дон, Дондюшан, Дондюшанер, Донской, Дубиднер, Дубинский, Дубнер, Дубнов, Дунаев, Дунаевский, Дымша, Дымшиц, Жаботинский, Жванецкий, Жилин, Жилинский, Жириновский, Житомирский, Залевский, Залесский, Каменецкий, Каминер, Каминский, Каневский, Кинешевский, Козел, Козлов, Козловский, Коломеец, Коломиец, Коломейский, Константиновский, Краковский, Краковер, Краснопольский, Кривич, Кривичевский, Кричевский, Ладыженский, Лигорнер, Лиознов, Липецкий, Лозинский, Лозовский, Лондон, Луцкий, Люблинер, Люблин-

ский, Мазурицкий, Мазурский, Маковер, Маранц (от городка Маранца в районе Бальцано, сев. Италия), Маркон (от села Маркуны ранее в Литве, теперь в Гродненской области, Беларусь). Медведка, Медведовка, Медведский, Меджибож, Межурицкий, Минскер, Минский, Могилевский, Могилевер, Нарвер, Невильский (в отличие от русской фамилии Невельскóй), Нёжинский (в отличие от польской фамилии Нижинский), Нерингберг, Нерингбергчик, Николаевский, Одесский, Озарницкий, Омстердамский, Островер, Островецкий, Островский, Острополер, Остропольский, Парижский, Познер, Пейзнер и Певзнер (последние три значат из Познани), Переясловец, Подолинский, Полянский, Полоцкий, Понаревский, Понарис, Понариц, Прагер, Привальский, Приворотский, Прилуцкий, Приямпольский, Пульнер, Пятигорский, Раковицкий, Ревель, Ренский, Ржевский, Ржевисский, Рогинский, Ровенский, Ровнер, Рожанский, Рокитянский, Роменский, Ростовский, Рубашов, Ружанский, Рудницкий, Тульчинский, Туник, Сарна, Сарнов, Сарновский, Сатановер, Сатановский, Свердлов, Свердлик, Слоним, Слонимский, Слуцкий, Смилян, Смолян, Сморганиш, Смотрич, Стольник, Страшун, Страшуновский, Стрельнер, Суцкевер, Тарлов (от названия польского местечка Тарлов), Телешевский (по местечку Телеси в Гомельской области, Беларусь), Томашевский (по местечку Томашовка / Томашівка в Киевской области, Украина), Троепольский, Турецкий (от местечка Турец в Гродненской области), Туровский,

Туровецкий, Углицкий, Ульман (по местечку Ульма, Приднестровье, Молдавия), Уманьский и Уманский, Урицкий, Фаросный, Фельштинский, Франкфуртер, Харьков, Хелмицер, Хелемский, Херсонский, Хмельницкий, Хомич, Хомский, Черновец, Черновиц, Чернович, Черновицкий, Черновецкий, Шапиро / Шапира / Шпира (от названия германского города Шпайра), Шаргородский, Шепетовский, Шкловер, Шкловский. Щаранский, Юрковецкий, Юровский, Ямпольский, Яролинский, Яснопольский, Яровецкий, Ярославский, Яруга и прочие.

Как легко заметить, построение этих фамилий самое незамысловатое: либо географический пункт без прибавок (Балта, Броди, Лондон, Гамбург, Медведка, Слоним, Дон, Яруга), либо с суффиксами 1) идишскими: -иц, -ер, -овер, -евер (Понариц, Певзнер, Островский, Дубновер) и реже вездесущий идишский элемент -ман (нем. mann); 2) польско-русскими: -ец, -цкий, ицкий, -ецкий, -ский, -овский, -евский (Коломиец, Мазурицкий, Слонимский, Донский, Дубинский, Сарновский, Понаревский). Изредка употребляется суффикс – он, но он представляет в одних случаях вариант русских суффиксов – ин или – ан, а в других – вариант украинского суффикса – ун.

В случае многих немецких фамилий, образованных от названий географических пунктов, бывает трудно доподлинно установить, от какого именно города или поселка идет определенная фамилия. Например, возьмем фамилию Ауэр-

бах. Даже простой поиск в интернете покажет 7 (семь!) городов и сел этого имени, вдобавок к 3 рекам и 2 замкам в Германии и еще один город в Австрии. А сколько таких городов было в период Средних веков? К тому же, поиск в Википедии перечисляет 90 известных лиц под этой фамилией, самый ранний известный Ауэрбах – Мозес Ауэрбах (род. 1462) был придворным фактором епископа Регенсбурга, а его дочь была предком Моисея Иссерлеса, знаменитого галахиста из Кракова. Кстати, этот факт иллюстрирует обычай родниться с учеными раввинами. И поэтому оказывается, что почти все значительные раввинские семьи связаны узами родства.

К тому же, эта фамилия (Ауэрбах) в Германии, Польше, Румынии, Литве и Украине претерпела много видоизменений и дала варианты Орбах, Орбух, Урбах, Авербах и Авербух.

Анализ фамилий, данных по географическим пунктам, со всей очевидностью подтверждает давно известную истину: наши предки в большинстве еще в XIX веке жили в маленьких провинциальных городках и местечках в западной части Российской империи, на всем протяжении от Балтийского до Черного моря. Фамилии, которые я привожу в двух или более вариантах, звучали по-разному в разных местностях и диалектах.

Иногда евреи, переехавшие из одного региона в другой или даже из одной страны в другую получали фамилию

по прозвищу, намекающему на страну или область, откуда прибыли новые жители: Бессарабский, Бессарабец, Венгер, Венгер, Венгер, Венгров, Волинский, Галицинер, Галицкий, Голланд, Голландер, Жмуд, Жмудь, Козак, Козаков, Козакевич, Курланд, Курлянд, Курляндер, Курляндский, Литвак, Литвин, Литовес, Литовец, Литовский, Литовецкий, Лутвак, Ляховер, Лехно, Молдованин, Молдовский, Молдавский, Герман, Немец, Немчинский, Немцовский, Немцевич, Ойстрах (Австрия), Ойстрийский, Оштрах, Подольский, Пойлишер, Полак, Поляк, Поляков, Португал, Португаль, Прусс, Пру (с) сак, Райсен / Рейсен (белорусс), Римланд, Римлянд, Русак, Русинов, Сфард, Украинец, Украинский, Финландер, Финляндер, Френченко, Хохол, Хохловский, Спаньер, Швед, Шведов, Шпаньер, Шпанский и т. д.

Иногда нового поселенца прозывали «новичок», отсюда фамилии Нойман / Нейман / Найман / Найер / Наеров и даже Нейгауз (букв. «новый дом»). А иногда обозначали только, что этот человек не отсюда, Ойслендер (иноземец) или только то, что этот человек неизвестного происхождения (Неизвестный). Иногда евреи, жившие на землях магнатов-аристократов, получали фамилии владельцев земель: например, Балабан, Балабанин, Балабанов, Вишневский, Вишневецкий, Казимирский, Лещинский, Понятовский, Потоцкий, Радевский, Радецкий, Радзивил, Радомысльский, Радуцкий, Собесский, Танхилевич и пр. Иногда фамилии владельцев земель опускались, а титул оставался: Кениг, Кениг-

ман, Кроль, Барон, Герцог / Герциг, Граф, Дукель, Дукальский, Дукельский (герцог), Маркиз, Фиршт / Фирст (князь).

Довольно много фамилий осталось у русских и польских евреев со времени их пребывания в немецко-говорящих регионах. Это прежде всего фамилии, образованные от названий городов. Выше мы уже упоминали некоторые из них, фамилии как Берлинер, Гамбург, Гинзбург, Динабург, Ревель, и Франкфуртер. К ним можно добавить такие как Авербах, Ауэрбах, Винавер (из Винауер), Винер, Каценельбоген, Кенигсберг, Ландау, Ландсберг, Шапиро, Шапира (от немецкого средневекового города Шпайра), Шейнберг (было не менее 9 городов под названием Schönberg в Германии и еще один в герцогстве Курляндском), Штейнфельд (от немецкого города Steinfeld в Нижней Франконии, в Баварии), Эренбург / Эренберг (от немецкого средневекового замка Ehrenburg / Ehrenberch / Ehrenberg на реке Мозель) и Нойштадт (означает «новый город»). Городов с таким названием, как и в случае с Ауэрбахом, в Германии было несколько, напр., Neustadt an der Haardt в Рейланд-Палатинате, Neustadt an der Aisch в северной Баварии, Neustadt am Main в Нижней Франконии, тоже в Баварии, Neustadt в регионе Баден-Вюртемберг.

Большинство фамилий с окончанием -бург (город), -штадт (город), -фурт, -фуртер (брод), -фест (крепкий, незыблемый, крепость), -берг / -бергер / -барг (гора), и -ау (луг) тоже германского происхождения.

Кстати, никого не должно удивлять наличие большого количества еврейских фамилий, образованных от названий германских городов и даже городов Италии. Ведь история и лингвистика подтверждают долговременное проживание евреев в долинах Рейна и Мозеля и их медленную миграцию на юго-восток, через северную Италию на северо-восток, в сторону Богемии и гораздо позже в Польшу. Как свидетельствует фамилия Швадрон (зарегистрирована в маленьком галицийском еврейском местечке Биениов, теперь Золочівка, Украина), образованная от итальянского слова *squadrone* (эскадрон) обнаруживаются и следы пребывания наших предков в Италии.

Не будет излишним заметить, что фонетика русского языка существенно отличается от фонетики языков, на которых еврейские фамилии основаны. Поэтому фамилии, записанные русскими буквами, лишь приблизительно передают оригинальное звучание. Особенно это касается звука /h/, отсутствующего в русском. Этот звук в русском письме обычно обозначается буквой «г». Отсюда написания Генчке, Гельцер, Гитлер, Оппенгеймер. С другой стороны, в русском языке в определенных позициях употребляются мягкие фонемы, которые на письме обозначаются двумя буквами «ль» и «нь». Такие фонемы отсутствуют и в иврите, и в идиш, и в немецком. Тем не менее в русской графике вполне легитимны написания Альтов, Гельман, Гольдин, Гулько, Кельнер, Корнфельд, Перельман, Перельмутер, Гугель, Майзель,

Сегаль, Финкель, Ананьев, Манькин, Беленький, Танькин, Уманьский и Шпаньер. Когда эти фамилии пишут латинскими буквами мягкий знак в большинстве случаев игнорируется (Altov, Gelman, Goldin, Gulko, Kelner, Kornfeld, Perelman, Segal, Finckel и т. д., и только в редких случаях заменяется буквой «i» (Shpanier, Schpanier, Spanier, Chpanier). В русском, как и в других европейских языках, отсутствуют гортанные и эмфатические согласные. И поэтому они не представлены в фамилиях, образованных от библейских личных имен и от ивритских слов, которые их содержат, а некоторые русские буквы используются для передачи двух или трех разных звуков.

Фамилии по названиям профессий, ремесел и занятий

Фамилии образовывались и от профессий и занятий первых их владельцев. Например, в местечке проживал некто Берль по прозвищу «резник» – шойхет, его так и записывали в метрических книгах – Берль Резник или Берль Шойхет, и все его потомки тоже становились Резниками или Шойхетами, даже если они не были шойхетами. А иногда потомки Берля записывались как Берлев, Берлин или Беркович. Так же точно поступали со Шлойме, по прозвищу «бадхан» – затейник на свадьбах. Его записывали либо Бадхан, либо Бадхен, и эта фамилия закреплялась за его потомками, если они не хотели увековечить имя отца в фамилии Шлоймовиц или Шлоймович.

Корни многих еврейских фамилий следует искать в языке иврит: Балагула, Балагульский, Балагулин – от ивр. «бал агола» – извозчик. Балабуст, Балабустин, Балабост, Балабостин – от ивр. «баал (х) а-байит» – хозяин дома. Габе, Габин, Габинский, Габенский, Габович, Габай – от ивр. «» – староста в синагоге, Даршан, Даршанов – от ивр. «» – проповедник, Магид, Магидович, Магидсон – от ивр. «» – тоже проповедник. Меламед, Меламуд, Маламуд – учитель в хедере. Меникер и Менакер – специалист по очищению мяса от жира и жил, запрещенных еврейским Законом для употребления в пищу. Раб, Рабаев, Раби, Рабин, Рабинович, Рабинер, Равве, Раввич – от ивр. «рав» – раввин, и в расширенной форме Равребе (от тарг. араб. «равреве» – человек высокого положения, князь). Сандлер – от ивр. «сандлар» – сапожник. Сойхер – от ивр. «сохер» – торговец. Сойфер / Софер – от ивр. «софер» переписчик религиозных текстов. Хазан, Хазанов, Хазанович, Кантор, Канторович – «хазан, кантор в синагоге». Хаят, Хаит, Хайт, Хайтович – от ивр. «хайат» – портной. Шамаш, Шамес, Шамус, Самусев – от ивр. «шаммаш» – служка в синагоге, Шекер, Шейкер – от ивр. «шекер» – ложь, вранье. Шефер, Шейфер – от ивр. «шефер» – красота. Шикер – от ивр. «шиккор» – пьяница. Шойхет – от ивр. «шохет» резник. Эмис – от ивр. «эмёт», в ашкеназском произношении «» – правда. *габе даршан магид эмес*

Часто фамилии образовывались как на основе разговорного языка евреев, так и на основе языков народов, среди

которых жили евреи. Многие фамилии отражают профессии, занятия и ремесла. Конечно, не в каждом местечке кузнец мог подковать блоху, не в каждом местечке находился ремесленник способный создать карету для рейх-канцлера Австро-Венгрии или ювелир, прославившийся украшениями для аристократок Петербурга, но еврейские ремесленники вполне обеспечивали местные нужды. Перечислю некоторые фамилии, основанные на занятиях и профессиях. Акерман – пахарь. Альтваргер, Альтезах (е) н, Шмат, Шматес, Шматник – старьевщик. Бадхан и Бадхен – затейник (особенно на свадьбах). Бауэр, Бойер – строитель. Бекер – пекарь, Бейгельман (пекарь бубликов). Ботвинник, Зеленский – продавец зелени. Бухбиндер и Айнбиндер – переплетчики. Блехер и Блехерович, Бляхер и Бляхерович – жестянщики. Вайнер, Вайншенк, Вайншенкер, Шенкер, Шенкерман, Шенкман и Шинкар / Шинкарь – шинкари. Вассерман – водовоз. Вебер – ткач. Вайцман – (от «вайц» – пшеница – продавец зерна?). Векслер – меняла. Вохерник, Процентщик – ростовщик, Векслер – меняла. Гарбер – кожевник, дубильщик. Гиссер – литейщик. Гравирер – гравер. Глезер, Глейзер – стекольник. Гольдшмидт – золотых дел мастер. Гольцгекер – дровосек. Гуральник – винокур. Друкер – типограф, печатник. Зайгер, Зейгер, Зайгермахер – часовщик. Зецер – наборщик. Зильбер, Зильберман – серебряных дел мастер. Зингер, Зингерман – певец. Зисерман – кондитер. Ибершифер – лодочник, Кельнер – официант. Клезмер

и Клейзмер – музыкант местного еврейского оркестра, Клингер – оружейник, изготовитель режущего и колющего оружия. Корман и Корнфельд – продавец еды, бакалейщик. Крамер, Кремер, Крамаров – лавочник. Бутман – тоже лавочник. Кречман / Кречмер – корчмарь, Купер, Куперман, Куперфайн – медник, Кушнир – меховщик, Кругер, Кригер, Тепер – гончар, Лерер – учитель, Лернер – ученик. Ломбард, Фарзетцер, Фармашкенер и Машкенер – владелец закладной лавки. Малер – маляр. Мейзель – дровосек. Меклер, Маклер – брокер. Мессингер – специалист по обработке бронзы и цветных металлов. Мительман – посредник, маклер. Мирошник, Мельник, Милер – мельник. Мулерман, Каминер – печник. Нудельман (изготовитель и продавец лапши, вермишели и макарон). Портман – рабочий порта, грузчик. Парнас – (образовано от ивр. «» – светский глава еврейской общины), Прегерзон – (образовано от «прегер» – специалист по чеканке монет), Ратнер – советник, советчик, иногда член местной администрации. Ример и Зот (е) льмахер – шорники. Ройфе и Роффе – от ивр. «» – врач, лекарь. Росте, Ростен, Старосте, Старостин – староста. Сарверн – повариха для свадебного стола. Тепер – гончар. Фурман – извозчик. Тышлер и Столер – столяры. Фарбер – красильщик. Фидлер – скрипач. Фитерман – меховщик. Фишер, Фишман, Фишерман – рыбак и продавец рыбы. Флейшман – продавец мяса. Фризиер Шерер – парикмахеры, Шнайдер и Хаят – портной, Цигельман – кирпичник. Цигельбрер и просто Бре (н)

нер – тот кто обжигает кирпичи. Цирунгер и Перельман – ювелир. Шадхан и Шадхен – сват. Шахт, Шехтер, Шехтман – резник. Шифман – судовладелец, лодочник. Шлейфер – полировщик, шлифовщик, специалист по обработке драгоценных камней и линз. Шлесер – слесарь, специалист по замкам. Шмид / Шмидт и Коваль – кузнецы. Шмуклер – галантерейщик. Шталдинер, Конюх – конюх. Штейн, Штейнер, Штейнер – специалист по драгоценным камням. Штейнзецер – установщик памятников на могилах, Штейншнейдер – специалист по обработке твердых камней, Шумахер, Шустер – сапожники. Ягман – охотник. *парнас рофе*

В перечне фамилий, образованных от названий профессий, многие ведут свое происхождение из земель, где говорили по-немецки.

А фамилии Аптекарь, Аптекман, Блинцер / Блинчер, Бондарь, Вагонер, Верхолаз, Винокур, Голубь, Доктор, Докторов, Дудник, Каретник, Книжник, Колесник, Коваль, Ковалев, Комиссар / Комиссаров / Комиссарчук, Крупник, Кузнец, Купчик, Кустар, Кучер, Лавочкин, Лавочник, Магази́нер, Магази́нник, Маслов, Медник, Мельник, Механик, Музыкант, Охотник, Парбо́мер, Пастух, Пекарь, Пекарский, Пивник, Пивовар, Писаревский, Плотник, Погребин, Пороховник, Портнов, Портной, Приказчик, Провизор, Почтовик, Рабинович, Резник, Решетник, Рыба́лов, Сапожник, Сахар, Сахаров, Сливкин, Столяр, Стругацкий, Студент, Табачник, Ткач, Токарь, Трубач, Ученик, Научитель, Учи-

тель, Фабрикант, Цимбалист, Цирюльник, Цитрин, Цитрон, Шапошник, Швец, Швецов и Школьник пояснения не требуют. Ко всем этим звучащим на русский или польский лад фамилиям могли быть добавлены суффиксы принадлежности -ов, -ев или -ский.

Нужно отметить, что существует ограниченное число еврейских фамилий (200—300), которые повторяются в каждом мало-мальски крупном городе. К таким фамилиям относятся прежде всего фамилии образовались от названий занятий, связанных с синагогой и с еврейской религией (такие как Рабинович, Резник, Кантор, Канторович, Хазан, Коган и Меламед) и фамилии образованные от личных имен (такие как Фрадкин, Фейгельсон, Якобзон, Абрамович, и Беркович. К таким фамилиям относятся также Берман, Вайнштейн, Вайс, Гинзбург / Гинзберг, Гольд, Гольдман, Гольдштейн, Горелик, Зильбер, Зильберберг, Зильбербург, Зильберштейн, Либерман, Лившиц, Перельман, Розенберг, Розенблюм, Фишман, Флейшер, Фридман и Шварц.

Фамилии, образованные от названий инструментов

Довольно много фамилий образовалось от названий инструментов разного характера, музыкальных, хозяйственных, профессиональных, как Гак (топор), Гекель (топорик и крюк), Крицместель и просто Криц (рабочий по металлу – от слова крицместель-зубило), Ме (с) сер (нож), Шер (ножницы), Шлиссель (ключ), Штайсель / Штейсель / Штес (с) ель (ступка), Штихель (резец), Шпендель (клин, заноза), Шарф-

штейн (точильный камень), Приборкер, Скрипка, Горн, Дудник, Цимбалист, Цитрин. Таких фамилий так много, что нет смысла их перечислять. Все равно в рамках краткой статьи нельзя надеяться на полноту изложения. Важно только отметить, что почти от каждого названия инструмента, прибора, станка или материала для обработки могла быть образована фамилия, а количество и многообразие фамилий-профессий сигнализируют высокий процент ремесленников и торговцев среди российских евреев преимущественно в XIX—XX веках. Это подтверждается и старыми русскими справочниками вроде «Вся Россия», где много еврейских бизнесов вместе с именами их владельцев расписано по губерниям Российской империи и идишской прессой как дореволюционного, так и советского периода.

Синонимичные фамилии

Легко заметить, что существует много фамилий-пар равнозначных по смыслу (синонимов), когда одна фамилия произведена от слова на иврите или идиш, а другая от русского слова: Бух и Книжник, Вайс и Белый, Вебер и Ткач, Гельшвемер и Рыжик, Качкес и Уткин, Розен и Розов, Цукерман и Сахаров, Лерер и Учитель, Лернер и Школьник, Милер и Мельник, Сандлер и Сапожник, Фокс / Фукс / Фихман и Лисица, Фризиерер, Шерер и Цирюльник, Цирюльников, Шехтман и Резник, Кауфман, Сойхер и Лавочник (и Магазиер), Шталдинер и Конюх, Ягман и Охотник, и так без конца. Это конечно объясняется долговременными языко-

выми контактами. Иногда к идишско-русской паре добавляется третий синоним, происходящий от ивритского слова, напр. Шехтман, Резник и Шойхет; Шнайдер, Портной, Швец и Хаят.

Фамилии, образованные от общеизвестных слов на идиш и иврите и, от названий продуктов питания и популярных блюд

Довольно много фамилий образовалось от названий еды, продуктов питания, популярных блюд еврейской кухни и приправ. Так Борщ, Вареник – пельмени с вареньем или творогом, Дриль / Гливер – студень, холодец. Отсюда фамилия Дриллик. Зальц – соль. Зальцер / Зельцер – соленый. Зафрен / Шафран – шафран. Земельман – кондитер, приготавливающий «земелах» (рулеты со сладкой начинкой), Кандель / Кендель – кондитер, изготавливающий конфеты и другие сласти, Карп – карп, Кихелах – печенье, Кашес / Кашин – от слова «каше» (каша), Крепл, Крепел, Креплах – крепс, блины с начинкой, Корн – рожь, Макес – сладости. Зисель / Зисер – тоже сладость, отсюда Зисерман. Нудель – лапша, Фефер – перец. Флудн, Флуднер – десерт, Штрудель – струдель. Чолнт / Чолент / Чолант – от франц. «chalente» теплое – блюдо с мясом, картофелем и бобами, приготавливаемое накануне субботы и отсюда. Штейнзальц – каменная соль.

Есть и фамилии, образованные от общеизвестных слов на идиш и иврите, например, Цорес / Цурес (горе, беда – ивр. царот), Хейфец (ивр. «хефец» желанное, вещь), Надель (иг-

ла). Замд / Занд / Зандман (от ид. слова «замд / занд» (песок), Трахтн (думать) – Трахтенберг. Байтель (ид. кошелек), Харит (ивр. кошелек), Мейлиц – ивр. «мелиц» (красноречивый), Генчке (ид. перчатка), Гевалт (ид. насилие, караул!), Гилгулин (от веры в «гилгул нешамот» – (ивр.) переселение душ, Горальник – (от ивр. слова «гораль» – (судьба, жребий), Грабойс (копай, выкапывай), Йориш / Ёриш (от ивр. слова «йореш» наследник), Капл / Кепл / Капел (кипа, ермолка); Капелюш (шляпа), Крагель, Крагер, Кольнер, (воротник), Кауфман (от слова нем. ид. «кауфман» – купец), Качес (от слова «качке» – утка), Квенкель / Квенцель (ид. сомнение), Клеп (клей), Крессель (от слова ид. «кресс» – растение, один из видов салата), Крейзер (от слова ид. «крейз» – кружок), Надель (игла), Кутник (от укр. слова «кут» – угол), Нехес (от ивр. слова «нехес» – имущество), Парадис (от ивр. слова «пардейс» – райский сад), Перах (от слова «перах» – цветок), Парнас (от ивр. слова «парнас» – попечитель общины), Петах (от ивр. слова «петах» – вход), Питлик (от ид. слова «петелке» – петелька), Пичевкес (от ид. слова «пичевке» – записка), Пунем (от ид. «пунем» – лицо, из ивр. «паним»), Пурим (от названия праздника), Реша, Роше (от ивр. слова «раша» – злодей), Римон (от ивр. слова «римон» – гранат), Умглик (несчастье), Тайхель / Тайхелер / Тайхлер (от ид. слова «тайхеле» – ручеек), Тирош (от ивр. слова «тирош» – молодое вино), Хавер (от ивр. слова «хавер» – товарищ), Хаят (от ивр. слова «хаййат» – портной), Хазак (от ивр. сло-

ва «хазак» – крепись), Хомец (от ивр. слова «хамец» – квасное), Цофнас (от ивр. библейского выражения «цофнат панэах» – открывающий скрытое – Бытие 41:45, так фараон назвал Иосифа), Чачкес (от ид. слова «чачке» – игрушка), Шалит (от ивр. слова «шалит» – владыка), Шалом (от ивр. слова «шалом» – мир, здоровье), Шамес (от ивр. слова «шамаш» – служба служба в синагоге) и Хеврешамес (служба общества), Шамир (от ивр. слова «шамир» – твердый камень, корунд), Шафар, Шофар (от ивр. слова «шофар» – рог, музыкальный инструмент), Шефер (от ивр. слова «шефер» – красота) Шафир, Шафиров (от ивр. слова «шафир» – красивый), Яглом (от ивр. слова «yahalom» – алмаз).

Декоративные фамилии. Составные фамилии. «Хорошие» и «плохие» фамилии

Часто встречаются так называемые декоративные фамилии. Обычно они образовывались от корней немецкого языка или корней языка идиш. Как правило, они состоят из двух элементов, соединенных по образцу немецких составных слов.

Очень популярно в образовании фамилий было слово «гольд» – Гольдбаум (золотое дерево), Гольдштейн (золотой камень) и т. д, от слова «розе» (роза) – Розенбаум (розовое дерево), Розенблюм (розовый цветок). Розенталь (розовая долина). Розенберг (розовая гора), Розенвассер (розовая вода), от слова «блау/блю/блюв» (голубой, синий) – блау, Блювштейн (голубой камень), от слова «вайс» (бе-

льный) – Вайс, Вайскопф (белая голова), от слова «берг» (гора): Гольдберг (золотая гора), Розенберг (розовая гора), Гринберг, Зеленберг (зеленая гора), Гохберг (высокая гора), от слова «блум/ блюме / блюмен» (цветок, цветы) Блюмберг (цветочная гора). Таль (долина). Блюменталь (цветочная долина). От слова гора – Гольдберг (золотая гора), Розенберг (розовая гора), Гохберг (высокая гора). Много фамилий было произведено от названия драгоценных камней и материалов для ювелирных работ. Финкель / Финкельштейн – сверкающий камень, Диамант – алмаз, Бриллиант (бриллиант), Бурштейн – янтарь, Йошпе – ивр. яшма. Перл, Перел, Перельштейн – жемчуг, Сапир – сапфир, Зильберштейн – серебряный камень, Эдельштейн – драгоценный камень. Также много фамилий было произведено от названия деревьев с элементом «баум / бойм» (дерево / деревья) – Апельбаум, Эп (п) ельбаум (яблоня), Баренбаум, Беренбаум, Бирнбойм (груша), Киршенбаум (вишневое дерево, вишня), Киршнер, Киржнер; Мандельбаум (миндальное дерево), Носсенбаум / Нус (се) нбойм / Нюс (се) нбойм (ореховое дерево), Розенбаум (розовое дерево), Таненбаум (ель), Цедербаум (кедр), Эйхенбаум (дуб). Осинебойм (осина), – и просто Нусинов, Нусиновский, Березин, Березовский, Осинвер, Осиновский, Тополь, Тополер. Также много фамилий обозначали плоды фруктовых деревьев и растений (Аппель, Бирн, Бирен, Першке, Персик, Флам/Флям «слива», Фефер «перец»). Это были «хорошие фамилии». За такие фамилии

нужно было давать взятки чиновникам-регистраторам.

В отличие от «хороших фамилий» плохие фамилии указывали на отрицательные черты характера, изъяны во внешности, комический и неряшливый вид. Упомянем из них только несколько ради примера. Думкоп (дурная голова), Краутгаммер (качан капусты), Герутенер (ненормальный, букв. ответвившийся), Ройтшван (е) ц (красный хвост), Альткакер, Альтфарт, Шлюкер (тот кто икает), Фарлигер (залезалый), Фетляйбер (жирный, толстый), Штинкенвассер (вонючая вода), Калемотнер (нечто мутное), Клецер (чурбан), Гунтбейн (собачья кость), Фишбейн (рыбья кость), Фишкоп (рыбья голова), Кноппогериссер (оторванная пуговица). См. также ниже в разделе «Фамилии, основанные на прозвищах».

Подобно тому как слова Гольд- и Розен- могли соединяться со многими элементами для образования фамилий, существовали и другие столь же популярные элементы, напр., Айзен- (железо), Блюм / Блюмен- (цветок / цветы), Вайс- (белый), Вайз- (мудрый), Вайн- (вино), Валд – (лес, дикий), Варт- (от глаг. «warten» (ждать, обслуживать), Воль- / Вуль- (шерсть), Ворт- (слово), Гоф-/ Гойф- (двор), Гох-/ Гойх- (высота, высокий), Грос-/ Гросер-/ Гройс-/ Гройсер-, (большой), Грунт- (основа, основной), Зильбер (серебро), Кирш-/ Кирж-/ Киршен- (вишня), Клайн- / Клайнер- / Клейн- / Клейнер- (малый), Корн- (рожь, еда), Купер- (медь), Либер- (любезный), Лилиен- (лилии), Лип / Лив (граница), Лихт (свет),

Мандель- (миндаль), Рут / Рутен- (дорога / дороги), Райф- (спелый), Райх / Рейх (богатый), Файн-/ Файнер- (чистый, тонкий), Фельд- (поле), Фрай (свободный), Фрайд (радость), Фрид- (покой, мир), Эре-, Эрен- (честь, почет), Штерн- (звезда).

Наряду с вышеупомянутыми формообразующими элементами, употребляемыми как суффиксы «баум / бойм» (дерево / деревья), «берг» (гора) и «штейн» (камень) были продуктивны также элементы «ман» (человек), пожалуй самый продуктивный элемент, а также «банд» (лента), «барт» (борода), «бах / бух» (ручей), «бейн» (кость), «билд» (картина), «блат» (лист), «блик» (взгляд), «блит/блют» (кровь), «бок» (козел), «борд» (борт, край, граница), «брот» (хлеб), «бург» (город), «валд» (лес), «верн» (от ид. глаг. «вернен» быть, стать), «верт» (ценность), «воль» / «вуль» (шерсть), «ганд» (рука), «гарт / гартен» (сад), «гауз» (дом), «гольд» (золото), «гольц» (дерево / древесина), «зайд» (шелк), «занд» (песок), «корн» (рожь, еда), «кern» (зерно), «коп» (голова), «леб (е) н» (жизнь), «либ» (любовь), «лох» (яма, берлога), «прайз» (цена) «райх / рейх» (богатый), «райт» (от корня глагола «райтен» – ехать, гарцевать), «риб» (спелый), «таль» (долина), «тух/тох/ тихель» (ткань, платок), «файн» (чистый, тонкий), «фельд» (поле), «фест» (крепкий), «шаль» (платок), «фрай» (свободный), «фрайнд» (друг), «шиц / -шуц» (охрана), «шлаг» (удар), «штамм / штам» (стебель, ствол) «штайн /

-штейн / -штайнер / -штейнер» (камень), -штерн- (звезда). «шток»/«штекель» (палка, палочка), «цайт» (время), «тух/тох/тихель» (ткань, платок), и т. д.

Фамилии, которые начинаются с Айх- / Эйх- / Айхен- / Эйхен- – от нем. «Eiche» – дуб, Розен- (розы, розовый), Гроз-, Грезер- (трава, травяной), Гоф- (двор), Гольден- (золотой), Зильбер- (серебро, серебряный), Вайс- (белый), Вайз- / Вайзен- (мудрый), Вайн- (вино, винный), Блюмен- (цветы), Фрай- / Фрей- (свободный), Эрен- (почёт), Брейт- / Брайт- (широкий), Эк- / Ек- (угол, край), Шмоль- (узкий), Ланг- / Лангер- (длинный), Курц- / Курцен- / Курцер- (короткий), Гох- / Гойх- (высокий), Нидер- / Клейн- / Клайн- Клайн- (низкий, низенький), и т. д. – германского происхождения. Их можно встретить и у неевреев, немцев и австрийцев.

Обращает на себя внимание факт, что почти все прилагательные обозначающие цвет могли восприниматься как фамилии, например: Без / Флидер (сиреневый), Беж (бежевый), Блау / Блой / Блюв (голубой, синий), Брон / Бронер (коричневый), Вайншел / Вайншал (вишневый), Вайс (белый), Гелб / Гельб / Гелер (желтый), Гелройтер (алый), Гимельблойер (голубой), Гольден (золотой, золотистый), Грин (зеленый), Гройер (серый), Зильбер (серебряный), Крем / Кремовер (кремовый), Пурпур (пурпурный), Розен (розовый), Ройтер (красный), Рубин (рубиновый), Шварц (черный), Шмарагд (изумрудный).

В процессе ассимиляции по разным причинам, но чаще

всего в условиях, когда еврей оказывался в чужеродной среде, в отрыве от еврейской общины, некоторые из таких фамилий переводились на язык большинства, в нашем случае на русский. Так вместо Вайс появились фамилии Белый, Беленький, Беляев, вместо Грин фамилия Зеленый, вместо Зильбер фамилия Серебряников, вместо Розен фамилия Розов, вместо Шварц фамилии Черный, Черненький, Черняев и Чернов, и т. д. Иногда такие фамилии-переводы возникали как псевдонимы творческих работников.

Жрецы и левиты

Две особые группы еврейских фамилий ведут свое происхождение от слов «коэн» (жрец) и «леви» (левит). И те и другие из колена Леви. Об Амраме, отце Моисея и Аарона, сказано, что он и его жена Йохевед были из колена Леви (Исход 2:1). Первым коэном был Аарон (Исход 28:1). Еще задолго до строительства Иерусалимского Храма коэны (Аарон и его потомки) и левиты священнодействовали в скинии собрания (ивр. «мишкан» – Исход 25—30). Те же функции остались за ними и в Иерусалимском Храме (ивр. «бейт-хамикдаш» 2 Хрон 20:8)

После разрушения Храма и до сего дня коэны и левиты выполняют особую роль в синагогах во время молитвы, и у многих из них веками сохранялись добавления к именам – «коэн» и «леви». Эти добавления превратились, естественно, в их фамилии. От «коэна» пошли фамилии – Коган, Каган, Каганович, Каганский, Кагановский, Кан,

Кон, Кун, Коганер, Коганзон, Кохан и Кахан. От «леви» – Леви, Галеви, Левин, Левитан, Левинский, Левитанский, Левит, Левитас, Левитин, Левинзон, Левич, Левицкий, Левитман.

Фамилии, основанные на анаграммах

Древнееврейский язык (иврит) был источником многих фамилий, особенно первоначально образованных способом сокращения ивритских слов (анаграмм). Упомянем из них только несколько ради примера. Такая распространенная фамилия как Сегаль – это результат сокращения ивритских слов «ан е-коэн», т.е. помощник или заместитель коэна. Фамилия Зак расшифровывается как «эра едушим», то есть «семя святых», фамилия Бак расшифровывается как «ен едушим», то есть «сын святых» (в двух последних случаях имеется ввиду, что предки носителей этой фамилии отдали жизни за веру). Фамилия Бабад образовалась от первых букв выражения на иврите «ней вот аттей инин» – сыновья председателей домов суда, т.е. наиболее почетный титул в еврейской религиозной юриспруденции. Фамилия Шац образовалась от первых букв выражения на иврите «лиах ибур», что в переводе с иврита означает «посланец общества» – то есть тот, кто ведет службу в синагоге. Фамилия Шор образовалась от первых букв выражения на иврите «охет ав», что в переводе с иврита означает «резник и раввин». Фамилия Шуб образовалась от первых букв выражения на иврите «охет одек», что в переводе с иврита озна-

чает «резник и инспектор кошерности мяса». Фамилия Ма-зо или Мазе скрывает в себе три слова на иврите, которые в переводе означают – «потомок Аарона первосвященника». В фамилии Кац зашифровано выражение «оэн едек» – «праведный коэн». В фамилии Рошаль сохранилась память о абби ломо урье из Польши, раввине шестнадцатого века. А в фамилии Маршак зашифровано имя раввина Шломо Клюгера, который жил в Галиции: «учитель наш рабби (орену а-ав) ломо люгер» (1785—1869), и также «учитель наш рабби (орену а-ав) Аарон емуэль ойдановер (1614—1676). Бешт – сокращение прозвища аал ем ов (т. е. Израэль бен Элиэзер, основатель хасидизма (1698—1760). Фамилия Бриль – сокращение имен двух раввинов «ен абби егуда еви» и «ен абби егуда ейб». Брик – «ен абби аков Копель». Бахер – «ен евод абби» (Сын почтеннейшего Рабби). Явиц / Явец – «ков ен цхак» (Яков сын Исаака), но может означать также «ков ен ур», «ков ен ийон» «ков (Эмден) ен ви». **с г л з к б к б а б д ш ц ш у р ш у б К Ц р Ш Л м г р Ш К м г р Ш К Б Ш Т Б Р И Л Б Р И Л Б Р И Б К Р Я Б И Я Б Ц Я Б Ц Я Б Ц**

Фамилий, образованных таким образом, тысячи, их трудно упомянуть без словаря сокращений. Некоторые фамилии были образованы по названиям сочинений какого-то уважаемого раввина по модели: личное имя автора + слово «баал» которое в данном контексте значит автор + название сочинения. Напр. фамилия Баот (читается Баес) означает аал р ора

(автор книги Свет Торы) т. е. Дов Бер из Мезерича. **Б О Т**

Много еврейских фамилий образовались от слов, выражающих мистические настроения и веру в приход Мессии: Гоэль, Гоельман, Гельман, Геульман, Гоэльский (все образованы от корня имель-леф- амед, значащего «искупить»). Йамбад (=во эйлейну аших ен авид – да придет к нам Мессия, потомок Давида!). Бебахир (=имгейра и (йе) мейну менейн еги ацон! – Да исполнится воля Его быстро и в наши дни! минь). Гугель (=едула вура е-Израэль – Величие и могущество Израиля, т.е. еврейского народа). **Г А Л Йа М Б Д Б Б А К Й Р А Г у Ге л**

Фамилии, обнаруживающие связь с еврейским народом

К такого рода фамилиям следует добавить фамилии, в которых прослеживается отношение носителя фамилии к еврейству и к Эрец Израэль, например: Жидов, Жидков, Жидковский, Иодейкин, Иодейко, Иуденко, Иудейкин, Израйлов, Израильский, Израилевич, Израйлиб, Израйлит, Езриелев, Бенционов – (от ивр. двойного имени «Бен Цийон» – сын Сиона), Еросалимер, Еросалимский, Ерусалимер, Ерусалимский, Ерусалимчик, Салимский, Синай, Синайкин, Синайский, Циони (от ивр. «Цион» – Сион), Шабашов (от ивр. «шабат» – суббота), и фамилии, производные от мужского библейского имени Йехуда / Иегуда (которое по-русски реализуется как Юда) синонимичное с одним из названий Эрец Израэль, Иудея (Юдель, Юделевич, Юде-

лин, Юдин, Юдис, Юдиц, Юдицер, Юдов, Юдович, Юделович, Юделевич, Юдовин, Юдкин, Юдкевич, от женского имени Ида, которое ассоциируется с идишским словом «ид» – еврей (Идин, Идель, Иделевич, Идковский, Итин, Итковский).

Фамилии, основанные на первичных прозвищах

Довольно много фамилий остались от первичных прозвищ, которыми подчеркивали какую-то связь человека с животным или растением (по внешнему виду или по чертам характера, которыми наделялись животные или растения в фольклоре). Например: трусливый как заяц (Гоз, Заяц, Зайцев) смелый как орел (Адлер, Орлов), зоркий и хищный как ястреб, сокол (Фальк, Фалькович) страшный как волк (Волк, Волков, Вольф / Вульф), ужасно страшный как лев (Лёве, Лейб), большой и страшный как медведь (Бер, Медведь, Ведьмедь), хитрый как лиса (Лис, Лиса, Лисица, Лисин, Лисицын, Фокс / Фукс / Фихман), быстрый как олень (Герш / Гирш / Гершель / Гиршензон, Гершензон), вонючий как козел (Козел, Бок / Бек) ненасытный и плодящийся как кролик (Кролик, Кинигель), беззащитный как ягненок (Шефель, Шепсель,), немой как рыба (Фиш, Балик, Балык, Окунь, Карась, Карп, Корес, Штер, Рыба), как дешевая рыба (Геринг-«селдь»), вкусный как копчёная или солёная сёмга (Лакс), темный и обыденный как скворец (Штар), мрачный как грач (Грач), то же от польского слова «gawron» (грач) – Гаврон, Гавронский; долговязый и сгорбленный как цапля

(Цапля, Цаплин, Фишхаппер), активный и быстрый как щука (Щука, Щукин, Гехт), спокойный и мирный как голубь (Тауб, Тойб, Таубер, Тойбер, Голубь), с походкой, переваливаясь с ноги на ногу как утка (Качкес) – от слова «качке» – утка, также Уткин, приятный как ласточка (Швальб, Швельбелер; букв. от «швельбеле» – ласточка), а также маленький и серый как воробей (Шперл, Шперлинг, Воробей и Воробейчик), поет как канарейка (Канар, Канер Канарфогель) и просто птица (Фогель, Фойгель, Фогельман, Фойгельман, Фейгель, Фейгельман).

Ашкеназские фамилии, происходящие от сефардских и итальянских еврейских фамилий

Целый ряд ашкеназских фамилий образовались от сефардских фамилий и прозвищ: так фамилия Рапопорт вопреки легенде, которая объясняет ее от прозвища «рав де Опорто» (раввин из Опорто, Португалию), на самом деле происходит от слияния двух итальянских еврейских фамилий Рапа и Порто. Эта коэнская фамилия задолго до появления в России была распространена в Италии, Германии и Польше. Фамилия Каро и Кара – (исп. «дорогой» распространилась потомками сефардского раввина Авигдора Каро (ум. 1439), который в конце XIV века был приглашен на должность главного раввина Праги, его сын Авраам унаследовал его пост, а его внуки жили уже в шестнадцатом веке в Польше и Австро-Венгрии. С разделом Польши десятки людей, уже давно забывших о своем сефардском происхож-

денин, жили в «черте оседлости» с такими фамилиями как Каро, Рапопорт и Лурье (от испанского города Лурия).

Фамилии, основанные на прозвищах

Много фамилий основаны на прозвищах которые давались нашим предкам либо по внешнему виду, типа большой-малый (Гро (с) с, Гро (с) сман Гройсман, – Клейн, Клейнер, Клейнерман, Малый, Малой), толстый (Дик, Фетляйбер – жирный, толстый), худой (Монерер, Монерлихер), долговязый (Лангер, Лангерман), коротыш (Курцер), коротконогий (Курцфусикер, Курцфисикер) человек с тонкими ногами (Тонконог); либо по физическим недостаткам, типа хромой (Крум, Крумер, Лом, Ломер, Ламм, Лам, Ламер, Лям, Лямер), глухой (Тойбер, Тойберштиль), слепой (Блиндер, Блиндман, Слепак), немой (Штум, Штумер, Немой), одноногий (Эйнфусикер), одноглазый (Эйнойгенер, Эйнойгеникер), однорукий (Эйнгандикер), пучеглазый (Болхева-те (р), Болхеватый, Ойсгеглоцтер), забывающий смешливый (Дерлахтер), безудержно смешливый (Фрилахман), ко-сой (Шиклдикер, Косовер, Косой), человек с шишкой (Гузман), заика (Штамлер, Фаргикер, Заикеватер), Кривошеин, Карпоносов, сморкач (Шнайцер, Шнейцер, Сморкач), рычаг (Гребцер, Грепцер); храпун (Шнор, Храпкин); большой нос (Шнобель, Носач), толостогуб (Губатый), с тремя губами (Трегуб, Тригуб,), с большим животом (Пузанер), с большим пупом (Пупенин), совсем размером с точку ((Пункт), маленький, незначительный как маленький пуп (Пупик), со-

всем никакой (Нульман); весьма замечательны комичная фамилия Комагер / Кумагер / Кимагер (букв. «иди сюда»), которая присутствует во всех диалектах языка идиш, Шостак / Шустак (букв. «с шестью пальцами на руке»), Шляпентох / Шляпентух (букв. «платок на шляпе»), Гутеншабаш (букв. «хорошей субботы») и Гутентог (букв. «добрый день»). Некоторые презрительные прозвища тоже стали фамилиями: Голоногий, Голощекин, Недошивкин, Полжидок, Полторацк, Пулторацк, Полторович;

либо по физическим признакам типа русоволосый (Русявер), рыжий (Гельшвимер, Рыжик), красивый (Пригожий), курносый (Курносер, Карносер), черноглазый (Шварцойгенер, Черноглаз), лысый (Лисе / Лисер), плешивый (Плих), кудрявый (Крайзелтер, Кучеравер), темнокожий и темноволосый (Цигайнер, Цыган, Цыганский), темнолицый (Черномордин, Черномордик), крепкий, здоровый (Крепке, Крипке), то же самое от корней языка идиш (Гвар, Гаврон, Гавронский, Гезинтерман, Гезунтевман, Гезунгерман, Штаркер);

либо по внутренним качествам, типа вредный как заноза (Шпендель), глупый (Клецер – букв. чурбан, Клецерман, Клецеркоп, Думкоп – букв. пустая голова, Фишкопф – букв. рыба голова, Краутгамер – букв. качан капусты, Нарисер, Нарисман, Нарисеватер, Нарельман – букв. глупец, Штусерман – букв. пустозвон. Пустохер, Шмолькепикер – букв. узколобый), добрый (Гутер, Гутнер, Гутман, Вуй-

лер, Гарциг), всегда добрый (Имергут), злой (Шлехтер, Бейзер), наивный (Наивер, Тмимер), свободный, легкомысленный (Франк, Фрай), скупой (Каргер, Камцонишер), трусливый (Муйрер, Шрекер, Шрекман, Шрекнер, Пахдан), ученый (Гелернтнер), умный (Хахам, Клигер, Клигерман, Клих, Вайз, Вайзе, Вайскоп, Вайзман), порядочный, нормальный сын (Регельсон), хитрый (Фукс, Хитрер, Хитрак, Хитрик), храбрый (Бравер, Браверман, Мотикер, Дрейстер), честный (Эрлих), щедрый (Брейт, Брейтгарциг, Ватрен), Веселый, Плакса;

либо по социальному положению, типа богатый (Райх и Райхман), бедный (Оремер, Оример / Уример, Гемейнер, Бедный, Кобзон, Кобцан, Капцан, Капцун), очень богатый (Гевир, Гевирц, Гевирман и Гевирцман), богатый как царь (Мейлах) от ивр. мелех (царь), Кроль от польск. король; бедный, попрошайка (Бетлер, Шнорер, Бетинер, Бетингер, Далесдикер); Новик (бедный молодой человек, которого берет на содержание семья его молодой жены) – Новик, Новиков, Новиковский. То же обозначают фамилии Новах, Новахов и Примах, Примаков;

либо по отношению к религии или синагоге того предка, кто получил прозвище типа боголюбивый, завсегдаятай синагоги, молитвенного дома или религиозного училища (Аврех, Аврух, Бесмедрашник, Богомольный, Богомильский, Богуславский, Готбейтер, Гот (т) есман, Готлиб, Готлобер, Готман, Готхейл, Готшелк (идиш «гот» – бог), Диненман (буков,

человек богослужения). Фрум, Фрумер, Фример, Хасид, Хосид, Хусид, Цадиковский, Цодиков – разные названия глубоко религиозных евреев, Цфасман ((букв, человек из Цфата) – намекает на то же самое, т. к. Цфат на севере Израиля славится общиной глубоко религиозных евреев, Капел, Шилер, Шульман, Штибель (завсегдатай синагоги или молитвенного дома), Сидер (от ивр. сидур – молитвенник), Талес (талит, накидка во время молитвы в синагоге), Тумим (часть выражения «урим ве тумим» – нагрудник с 12 драгоценными камнями, используемыми как жребии для определения воли божьей; входило в одеяние первосвященника иерусалимского храма); Цицес (одеяние с кистями, носится мужчинами под верхней рубашкой); Псалом, Пулхан (талмудический дебат); Эльман (ивр. «эль» – бог), то же, что значит фамилия Готтесман на основе языка идиш; Эсрег (этрог, цитрусовый плод, над которым читают благословение в праздник Суккот); к этому же разряду фамилий относится и фамилии Тонес (ивр. «та’анит» – пост) и Рахман, Рахманович, Рахманчик. Последние три основаны на ивритском слове со значением «милостивый», которое в том же значении есть и в арамейском, арабском и других семитских языках. Кстати, русские фамилии Рахметов и Рахманинов тоже основаны на этом же корне, но они пришли от исламизированных татар, которые читали Коран и молились по-арабски. Выше мы упоминали фамилию Кашес / Кашин – от слова «каше» (каша), но такая же фамилия могла быть образована в среде

ешиботников, которые разрешали «кашес» (. «кашот» и «кушийот»), трудные места в понимании текста Талмуда; еще с германского периода у ашкеназских евреев существовало прозвище Энгель / Енгель (ангел), позднее на ивритской основе возникла параллель Малах со значением «ангел», которая и стала основой для фамилии Малахов; *ивр*

либо даже по возрасту того предка, кто получил прозвище-фамилию: так старый – Альт, Альтер, Альтман, Альтерман, Альтбауэр, Элтерзейдель, Элтербобин, Альтфрой; молодой – Юнг, Юнгер, Юнгерман, Юнглинг, Юнеман, Юнгфрой / Инг, Ингер, Ингерман, Ингельман, Инглинг, Ингфрой, Ингерфрой (элемент фрой значит госпожа, женщина); иногда даже по брачному статусу: жених – Хосен, Хусен, вдовец – Альман и Вдовец.

Русские фамилии у евреев

В связи с упомянутыми русскими фамилиями Рахметов, Рахманинов и Кашин, следует отметить, что жизнь среди русских оставила настолько отчетливые следы на генеалогических древах многих еврейских семей, что их фамилии в обилии совпадают с нееврейскими русскими фамилиями. Немного примеров: у евреев зарегистрированы такие русские фамилии как Андриसेев, Андронов, Баландин, Баранкин, Баранов, Барков, Барышев, Барышников, Бегун, Ананьев, Манькин Гулько Гольдин, Беленький, Белинский, Беляков, Бобков, Бобров, Богданов, Богородский, Болотин, Болотников, Борисов, Боярский, Брызгалов, Бугаевский, Бу-

дилов, Бунин, Быков, Ванников, Ваткин, Великовский, Венецианов, Винников, Виноград, Виноградов, Виноградский, Владычкин, Волосов, Волошин, Волчонок, Вольский, Воробьев, Воронин, Вселюбский, Выводцев, Выходец, Гаврилов, Гаевский, Гайдуков, Глазов, Голованов, Головинский, Головкин, Голубев, Голубчик, Горбаткин, Горбатов, Горбачев, Горохов, Гороховский, Горшенков, Грановский, Грачев, Грибов, Григоров, Григорьев, Гришин, Грозовский, Грунин, Грушин, Гудков, Гусаков, Давыдов, Далевский, Дальский, Девяткин, Денежкин, Добровольский, Добродуб, Добромыслин, Добрынин, Долгин, Долгинов, Долин, Долинский, Дракин, Дубанов, Дубинин, Дубиновский, Дубинский, Дубнов, Дубровский, Дубцовский, Дудкин, Дулькин, Евсеев, Елизаров, Елисеев, Еремеев, Ефимов, Ефремов, Жолобов, Журбин, Измайлов, Настасин, Нахимов, Никитинский, Овсянников, Овчинник, Овчинский, Одинцов, Однопозов, Олькин, Орлов, Осипов, Пальцев, Панарин, Панкин, Панок, Панфилов, Пархомовский, Пастухов, Пахомовский, Пашкевич, Пашкин, Певцов, Пелагейкин, Перепелкин, Переплетчиков, Пермяков, Персииков, Персов, Перцев, Песков, Песковский, Петрашевский, Петровский, Петухов, Пивоваров, Пивоварский, Пирогов, Пищиков, Платовский, Плисецкий, Поддубный, Подовалов, Поигуменский, Полтинников, Померанцев, Попков, Попович, Портнянский, Портянский, Посохов, Потапов, Пронин, Пронский, Птушкин, Пугач, Пучков, Пчелкин, Пшеничников, Речин, Розанов, Рокитянский,

Ротмистровский, Рубанов, Рудин, Рыбаков, Рыбкин, Рябенький, Рябухин, Рябцев, Саблин, Саввин, Савин, Салин, Сальников, Сафронов, Симонов, Склянкин, Смирнов, Соболев, Соболевский, Соколовский, Сундуков, Сундуковский, Суриков, Сурин, Сычков, Терешкин, Тетерин, Тонков, Троицкий, Трофимов, Троянов, Трояновский, Тынянский, Ульянов, Ушин, Фонарев, Францев, Цветков, Чацкий, Черкасов, Черкашин, Чертков, Чеховский, Чибисов, Чудиков, Чудновский, Шаров, Шляпин, Щедрин, Щербаков, Щукин, Юсупов, Яшин;

и с украинскими фамилиями такими, как Дегтяренко, Довженко, Ильченко, Нелень, Нерубай, Нетреба, Смертенко, Тигай (Тягай), Черненко, Шульженко и т.д.;

и также с польскими фамилиями такими как Фондаминский, Фондоминский, Фундаминский, не говоря о тех, которые названы выше.

Количество примеров русских простонародных и аристократических фамилий у евреев можно увеличить в сотни раз, но даже по приведенному выше списку достаточно ясен размах ассимиляции. Мы не будем входить в причины этой ассимиляции, т.к. это отдельная тема. Скажем только, что это происходило не от хорошей жизни. В огромном большинстве носители этих русских христианских фамилий среди евреев – кантонисты и их потомки. Еврейских детей, отобранных для службы в царской армии в период с 1827 по 1856, насильно крестили и давали им фамилии

русских солдат, их крестных отцов...

Библиография

Вайсенберг, С.А. «Имена южнорусских евреев» – Этнографическое обозрение, т. 96—97, N° 1—2 (1913), с. 76—109.

Вайсенберг, С.А. «Прозвища южнорусских евреев» – Этнографическое обозрение, т. 101—102, N°1—2 (1914), с. 78—105.

Гиль, П. «Еврейская география» и ее отражение в фамилиях ашкеназских евреев // Вестник Еврейского университета в Москве, 1993, №2. С. 40–67.

Жураковский, К.С., Рабинович, С. М. Полное собрание еврейских имен... Сувалки, 1874 (2-е изд. Варшава, 1908).

Крюков, М.В. (отв. ред.). Системы личных имён у народов мира. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1989. Глава Торпусман А. Н. «Евреи», с. 115—120.

Кулишер, И. И. Сборник для согласования разновидностей имён, употребляемых евреями в России. Житомир, 1911.

Кушнер, С., Имя твоё: имена личные, фамилии, прозвища, псевдонимы, генеалогия, топология, нумерология, фольклор. Иерусалим, 1993. Сб. 1.

Минц, Л. М. Разыскивается Куперман, он же Келайчиев: не вполне ученые заметки о еврейской географии, истории, этнографии, социологии с элементами лингвистики. М.: Им-

периум Пресс, 2005.

Погорельский, М. В. Еврейские имена собственные: часть историческая: имена библейские Нового завета и талмудические. СПб: Тип, А. Е. Ландау, 1893.

Суперанская, А.В. (отв. ред.). Справочник личных имён народов РСФСР. М.: Русский язык, 1989. Глава «Еврейские имена».

Трубачёв, О.Н. «Из материалов для этимологического словаря фамилий России (русские фамилии и фамилии, бытующие в России).» – В кн. Этимология, 1966. Проблемы лингвогеографии и межязыковых контактов. М.: Наука, 1968, с. 3—53.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.